

Диана
Машкова

Вкус неба

Диана Машкова
Вкус неба

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=333572
Вкус неба: Эксмо; Москва; 2010
ISBN 978-5-699-43877-8

Аннотация

Он и Она мечтают ТВЕРДО стоять ногами на земле. Для этого ему нужно написать сценарий фильма о летчиках, а ей - стать бортпроводницей. Случай сводит их у воздушных ворот и бросает в пьянящее небо. Какое оно на вкус? Это радость полета? Страх катастрофы? Или головокружение от неожиданной, странной любви, вспыхнувшей на высоте десять тысяч метров?

Содержание

Мир, который мы не знаем	5
Часть I	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	21
Глава 4	29
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Диана Машкова Вкус неба

Дорогой читатель Литрес,
от всего сердца благодарю
за выбор моей электронки
книжки и надеюсь, что
мой прекрасно проведен
время вместе!

Желаю добра, счастья,
увлекательных историй
и радости каждой день.

Будьте любимы и любите,
пусть удача не покидает!

С любовью,

Ваша

Диана Машкова

Мир, который мы не знаем

За творчеством Дианы Машковой я слежу с момента ее первой публикации в «Литературной газете».

Захватывающие сюжеты, яркие герои и ясный язык автора привлекают к ее романам самого широкого читателя. Вместе с тем психологизм, умение проникнуть в тайны человеческой души, социальная зоркость – все это позволяет говорить о прозе Машковой как о заметном литературном явлении. Кроме того, писательница погружает читателя в уникальную профессиональную среду: действие ее романов происходит в области науки, авиации, клубного бизнеса, туризма, ритейла, водочного производства и многих других сферах. Это не только обогащает знаниями, но и позволяет выявить те тонкости человеческих отношений, которые рельефнее всего выступают именно в профессиональной деятельности. Кстати, служебные романы – «любовь при исполнении» – добавляют ко всему этому особенную краску.

Тема авиации – новый этап в творчестве Машковой. Переплетение сюжетных линий и судеб героев, трогательная любовная история, эмоциональное напряжение, несомненно, увлекут читателей. К тому же доскональное знание авиационной среды благодаря многим годам работы в авиакомпании непременно вызовет ассоциации с известным романом Артура Хейли, в свое время потрясшим советское общество. Думаю, и новый роман Дианы Машковой будет для многих неожиданным открытием того мира, с которым мы постоянно сталкиваемся, поднимаясь на борт авиалайнера, и который, оказывается, совершенно не знаем.

Юрий Поляков

Сотрудникам авиакомпаний и моим коллегам посвящается

Часть I Москва

Глава 1

Самолет набирал скорость, разгоняясь по взлетно-посадочной полосе. Желтые огни, оранжевые, красные стремительно сменяли друг друга, превращаясь в пеструю ленту. Сергей безошибочно определил: «Пора», – и взял на себя штурвал. Радость от взлета завладела всем его существом. «Как в первый раз», – улыбнулся он.

Машина без усилий вспарывала серые облака и высвобождала долгожданное небо. Всего через пару минут мрачные улицы, темные от дождя дома, автомобили цвета грязи растают далеко внизу. Границы мира расширятся до Вселенной, усыпанной яркими звездами. Сергей физически ощутил невидимый порог; самолет вырвался из мутной дымки Земли и вошел в кристальную чистоту Неба.

«Две вещи наполняют душу всегда новым и все более сильным удивлением и благоговением, чем чаще и продолжительнее мы размышляем о них, – это звездное небо над мной и моральный закон во мне». Прав старина Кант. Звездное небо – страсть на всю жизнь. А пилот подобен художнику, который, проносясь сквозь пространство и время, рисует бессмертные полотна самолетом-кистью на поверхности судьбы.

Сергей почувствовал, как радость внутри его растет вслед за показаниями датчика высоты. Две тысячи метров. Три тысячи. Полет захватил его – он в нем растворялся, расщеплялся на атомы, превращаясь в бесплотный счастливый дух. Он знал, что такая всепоглощающая страсть доступна лишь избранным, и гордился своим состоянием: без сомнений, вне времени. Пять тысяч метров. Шесть. Голос диспетчера ворвался в сознание, минуя ушную раковину, – словно прозвучал внутри головы:

– Выполните поворот вправо, займите эшелон семь тысяч двести.

– Выполняю. Эшелон семь тысяч двести.

Не размышляя, он положил руку на штурвал, тут же следуя указанию диспетчера, и увидел перед собой солнце, восходящее над облаками...

Кирилл Николаев вздрогнул и проснулся. Он лежал, боясь пошевелиться и потерять все еще яркую картину, стоявшую перед внутренним взором. С напряжением вглядывался в темный потолок собственного кабинета и различал на нем контуры удаляющегося самолета. Огни блекли и становились слабее, пока совсем не расплылись. Только в этот момент Кирилл окончательно осознал, что видел не собственный уже снятый фильм, а всего лишь сон. Разочарование обернулось тупой болью в голове. Все же выглядело так рельефно, так осязаемо! Он смотрел на главного героя со стороны и в то же время был им. Все чувства Сергея принадлежали Кириллу. Все мысли пилота были его мыслями. Разница между этими двумя состояла лишь в том, что один был плодом воображения другого; что герой был одержим страстью к небу, а его создатель – к искусству.

Николаев сбросил с себя горячий плед и сел. Какого черта он так вот уснул? Работал, перечитывал собственный сценарий, в сотый раз находя мелкие огрехи, а потом начал клевать носом. Он даже не помнил, как перебрался на маленький диван рядом с рабочим столом. Ему снился собственный фильм на широком экране, снятый до малейших нюансов так, как он себе представлял. Обидно, что сон оборвался так резко: он многое отдал бы за то, чтобы досмотреть все до конца. Кирилл снова закрыл глаза и откинулся на спинку дивана. Начал выстраивать, деталь за деталью, последнюю сцену, чтобы видение вернулось. Вот сейчас

самолет Сергея выполнит поворот, встанет, освещенный солнцем, на новый курс, и только потом он узнает, что едва избежал столкновения с другим самолетом.

Голова от попытки сосредоточиться затрещала. Кирилл отчетливо услышал жалобный звук: словно одинокое старое дерево стонет на ветру. Он разомкнул веки и нервно огляделся, испугавшись, что треск в его голове слышал кто-то еще. Как назло, в проеме двери действительно маячил тонкий силуэт Кристины.

– Можно к тебе? – услышал он.

Только ее голос окончательно вернул ему здравый смысл, и Кирилл вздохнул с облегчением. Идиот! Скрип открывающейся двери принял за скрежет мозга. Чертовы нервы!

– Зачем? – сурово спросил он Кристину, робко переминающуюся с ноги на ногу у порога.

Его девушка прекрасно знала, что дверь кабинета – табу. Даже дотрагиваться до нее было запрещено, не то что открывать и проникать внутрь. Целых два года Кристина безупречно придерживалась этого простого правила. Но Кирилл, собственно, никогда и не сомневался в том, что, как любая женщина, она рано или поздно предпримет попытку войти. Захочет завладеть всей его жизнью. Женская натура не может оставить на территории мужчины личного пространства: ей нужно всюду влезть, все взять под контроль.

Кристина, не в пример другим, и так слишком долго играла в терпение и покладистость; исполняла его желания, приручала, подбираясь, как ей казалось, все ближе и ближе. А сегодня, видимо, решила идти ва-банк.

– Кирушка, ты не работаешь? – тихо спросила она, не ответив на его вопрос.

– Сама видишь. Нет.

Он поднялся с дивана и, решив не открывать плотных портьер, включил настольную лампу. Круг яркого света неприятно резанул глаза, выхватив из полумрака рабочий стол. Ноутбук, стопка книг, рукопись сценария. Белые листы, испещренные мелкими черными буквами – результат его многолетнего труда, – отчего-то вызвали сейчас у Николаева раздражение. Он отвернулся.

– Может быть, пообедаем? Уже пять часов. – Кристина, ободренная тем, что ее не выгнали, заулыбалась.

– Как хочешь, – он безразлично пожал плечами.

Женщины неисправимы. Они просто одержимы идеей привязать к себе мужчину всеми способами и органами, включая желудок.

– Отлично, – она попятилась, – тогда я накрываю.

Кирилл кивнул и сделал вид, что ищет на стеллаже какую-то книгу.

– Я скоро приду.

Как только за Кристиной закрылась дверь, он сел за рабочий стол, отодвинул подальше рукопись и закрыл руками лицо. Как он устал! Мало того, что с фильмом никакого движения – стадия поисков продюсера затянулась на многие месяцы, – так еще и личная жизнь, как сказал бы его герой, вошла в глиссаду. То есть миновала рубеж, после которого самолет уже не может набрать высоту и уйти на второй круг. Только посадка.

Сколько раз он все это уже проходил! Женщины влюблялись в Николаева поголовно и безрассудно. Кирилл мог получить любую из них, даже не прилагая усилий. Одного взгляда на его мужественную фигуру, красивое лицо, пронзительные синие глаза и темные блестящие волосы было достаточно для качественной потери женского разума. Девушки из кожи вон лезли, чтобы обратить на себя внимание Николаева. Время от времени какая-нибудь из них захватывала сначала его постель, потом квартиру. Кирилл не возражал: в конце концов, женщина для того и существует, чтобы давать наслаждение мужчине, а заодно заниматься в доме хозяйством. Но если бы они умели ограничиться этим! Нет. Каждая старалась влезть к нему в душу, каждая мечтала заарканить и сделать так, чтобы он целиком принадлежал

только ей. Им всем было наплевать на его стремления, они не понимали его одержимости искусством.

И каждый раз, как это ни глупо, военные действия начинались с запретного вторжения в святая святых – его рабочий кабинет. Словно порог был той самой чертой, знаменующей вход в глассаду. Что будет дальше, Кирилл знал как дважды два.

Кристина намеками, истериками, слезами – чем придется – начнет подталкивать его к женитьбе. Будет использовать весь этот заезженный женский арсенал. А он станет читать ее немудреные мысли, словно раскрытую книгу, и желать только одного: чтобы она от него отстала. Но неужели нужно еще раз через это пройти? Разрушить выгодный альянс ради взаимной ненависти? Кирилл тяжело вздохнул, встал из-за рабочего стола и направился в столовую. Только сейчас, переключившись с размышлений о будущем фильме на рассуждения о женщинах, он почувствовал, как сильно проголодался. Что ж, низменные мысли пробуждают низменные желания.

Столовая, как и вся шикарная квартира Николаева, сияла первозданной чистотой. На столе – блестящие приборы, фарфоровые тарелки, причудливо сложенные льняные салфетки. Чего у Кристины было не отнять, так это способности создавать в доме изысканный уют.

Да и сама она, откровенно говоря, была изысканно красива. Длинные светлые волосы, правильные черты лица, прекрасная фигура. В природе не так часто встречается подобное совершенство. Как мужчина, лучшего Кирилл не мог бы себе желать. Как сценарист и актер, он стремился избавиться от всего, что мешало его искусству. Жизнь коротка и предназначена для великих свершений. Банальной роли, которую пыталась навязать ему Кристина, в жизненном сценарии Кирилла Николаева попросту не было.

– Кирушка, ты чем-то расстроен? – Кристина, дождавшись, когда он сядет за стол, заглянула ему в глаза.

– Нет.

Она сморгнула слезу. Взяла со стола тарелку, стоявшую перед Кириллом, при этом едва ощутимо коснувшись грудью его плеча. Таким же манером вернула тарелку обратно, уже с громадным куском жареного мяса.

– Спасибо. – Кирилл, сделав вид, что не заметил ее уловки, взялся за нож с вилкой. Бдительное предчувствие говорило о том, что удовольствия от этой трапезы он не получит.

– Кир, – Кристина, положив на свою тарелку только салат, села напротив. Ее глаза с длинными ресницами, подкрашенными синей тушью, напоминали раскрытые раковины моллюска, – знаешь, мне очень плохо.

– Ты заболела? – Он изобразил на лице беспокойство.

– Нет, – она опустила глаза.

Уже догадываясь, что именно последует за этим вступлением, Кирилл молча жевал, не ощущая вкуса. Помочь Кристине выговориться он не хотел. Да и вообще, лучшее, что она могла сейчас сделать, – это встать и уйти, не утруждая себя откровениями. Сколько раз в жизни он уже слышал: «я для тебя пустое место», «ты меня не любишь», «ты занят только своей работой» и прочие вариации на ту же тему. Ему нечего было на все это возразить.

– Ты, – Кристина быстро заморгала, глядя на него, – считаешь меня пустым местом!

– М-м-м, – принял к сведению он.

– Ты меня не выносишь, – выдала следующую здравую мысль она.

– А-а-а, – поддержал беседу Кирилл.

– Тебя интересует только твой дурацкий сценарий! И маячащая впереди всемирная слава!

– Что, – Кирилл усмехнулся, – очень заметно?

– Да!!! – Кристина вскочила из-за стола и начала нервно цокать каблуками по кафельному полу: от двери до окна и обратно. – Тебя в последнее время вообще как будто нет рядом! Думаешь только о своих пилотах, самолетах и стюардессах!

– Подожди, – брови Кирилла изобразили красивую дугу, – я же тебе не говорил, о чем пишу.

– А я умею читать! – Она тряхнула длинными волосами как гривой и заносчиво фыркнула. Безостановочное цоканье каблуков дополнило сходство.

– Ого! – Кирилл залюбовался гневом Кристины, а потом все же напомнил: – Но я не давал тебе сценарий. И запретил входить в мой кабинет.

– Подумаешь! – Она сверкнула глазами, в которых промелькнул детский испуг.

– Стоило подумать, – спокойно возразил он.

– Кир, – Кристина села на место, боевой запал в ней угас, словно его и не было, – я только хочу, чтобы мы по-настоящему были вместе! Чтобы ты говорил со мной, делился своими заботами. Я ведь могу помочь и посоветовать, даже подсказать правильный путь.

– «Если женщина любит вас, она не утомится, пока не завладеет вашей душой. Она слаба и потому неистово жаждет полновластия. Душа мужчины уносится в высочайшие сферы мироздания, а она старается втиснуть ее в приходно-расходную книгу».

– Что это за чушь? – Глаза Кристины снова стали моллюсками. Кирилл с неприязнью отвел взгляд.

– Сомерсет Моэм, «Луна и грош», – бесстрастно объяснил он.

– А-а, – в тоне Кристины не было и тени узнавания, – хорошо, что не сам сочинил!

– Мне до Моэма, как и всем моим современникам, далеко, – пробормотал он.

– Вот и правильно! – неожиданно горячо поддержала она. – И не надо тебе писать! Сам же видишь, сценарий не продается!

– Ми-ла-я, – угроза в слове, разделенном на слоги, заставила Кристину вздрогнуть, – сейчас просто молчи. Пожалуйста.

Он, с досадой швырнув нож и вилку в почти нетронутую тарелку, встал из-за стола. Кристина, испугавшись, что он уйдет, бросилась к нему, повисла, обвив руками, заставила пригнуться.

– Кирушка, – горячо зашептала она ему на ухо, – ну послушай хотя бы меня! Я же тебя люблю. Я все прочитала.

– И?

– И ничего! Полная чепуха, – скороговоркой бормотала Кристина, судорожно прижимая его к себе, – мне не понравилось. Твой драгоценный сценарий не стоил моих мучений. Он не имел права отнимать тебя у меня!

– Что?! – У Кирилла от ярости перехватило дыхание.

– Ну, просто не надо тебе писать. – Она продолжала лопотать, не обращая внимания на то, что он пытается отодрать ее от себя. – Если ты хотел стать летчиком и не смог, это не повод кому-то мстить своим фильмом!

Глаза Кирилла налились кровью, он схватил ее обеими руками за талию и с силой рванул от себя и вверх. Отставил в сторону.

– Уходи, – прошипел он, держа ее на вытянутых руках и не давая возможности прикоснуться к себе.

– Что?!

– Уходи, – безжалостно повторил он, – вещи потом заберешь, когда меня не будет в Москве.

– Нет, – голос Кристины начал срываться от подступающих слез, – ты не можешь так поступить! Я же целых два года... Что скажет мама, подруги...

– Уйди!

– Кирилл, – Кристина уже рыдала в голос, – я только хотела помочь. Не надо тебе писать сценарии, ты прекрасный актер! Почему нельзя просто заниматься тем, что умеешь? Тем, за что платят деньги?!

– Вон!

– Киру-у-ушка, я люблю тебя, – она всхлипывала и выла, – люблю-ю-ю!

Кирилл поморщился, глядя на нее. «Убогий народ эти женщины!» – услужливо подсказал все тот же Сомерсет Моэм. Николаев отпустил талию Кристины, которая последние несколько минут вместо привычного вожделения вызывала в нем лишь жалость, замешенную на отвращении.

– А я люблю свой будущий фильм, – он сделал шаг к двери, – и верю в него!

Николаев стремительно вышел из столовой и заперся в своем кабинете.

Через час, когда он открыл дверь и вышел в прихожую, Кристины в квартире уже не было. Кирилл вздохнул с облегчением: он даже и не надеялся на то, что сложный вопрос так просто решится в его пользу. Что ж, оно, безусловно, к лучшему. Значит, у Кристины, в отличие от многих других, есть гордость. А у него, благодаря этой гордости, теперь есть свобода.

Радость по поводу ухода Кристины продлилась совсем недолго – через пару минут он уже снова чувствовал привычную усталость и головную боль: в душевных муках, превратившихся за последние месяцы в стойчивую депрессию, была виновата отнюдь не женщина. Он не придавал слабому полу такого значения, чтобы позволить себе расстраиваться или радоваться по его милости. Кристина была лишь внешним раздражителем, который задевал его оголенные нервы. Николаева волновал сценарий. Он был одержим будущим фильмом настолько, что даже во время съемок осточертевшего за полгода милицейского сериала думал не о Василии Панове – талантливом следователе, которого играл, а о Сергее Громе – пилоте и главном герое собственной картины. Кирилл Николаев поделаться с собой ничего не мог и только удивлялся, что режиссер его духовного отсутствия на площадке не замечает. То ли Василич и сам устал уже как собака от однообразных криминальных историй, то ли этим историям душа актера нужна была как рыбке зонтик.

Неважно. Важно то, что Кирилл мучился от чувства невысказанности и невозможности перенести созданные им образы на экран. Он страдал бессонницей: крутился в кровати ночи напролет и думал, как осуществить свою мечту. Неснятый сценарий – мертвый сценарий: ему ли не знать. Разве мог он такое допустить? Фильм об авиации был делом всей его жизни!

Кирилл прошел в кухню. В раковине осталась немытая посуда – мелкая мечь Кристины. Крошечная чихуахуа по имени Дуся, прибежавшая в надежде на ужин, печально тыкалась мордочкой в пустые миски. Наверное, хозяйка в расстроенных чувствах забыла ее покормить. Лучше бы забрала с собой.

Кирилл удрученно покачал головой и подумал, что теперь чертово хозяйство – долг и обязанность Кристины – легло на его плечи. Он налил из графина воды, жадно выпил. Подумав, поднял с пола миску Дуси, вымыл ее и дал попить «собаке», как гордо именовалась Кристиной эта полуторакилограммовая мелочь. Дуся с присущим ей кокетством полакала и, обиженная тем, что не дали поесть, удалилась, цокая крашеными коготками по кафельной плитке.

Кирилл, оставив посуду в раковине, побрел назад, в кабинет. Сел за письменный стол и придвинул к себе рукопись. Это был уже не просто способ убить время, это стало для него разновидностью мазохизма – в который раз перечитывать, шлифовать, исправлять. Поделаться с собой Николаев ничего не мог. Все мысли и действия сосредоточились только на одном – на будущем фильме. Сколько себя самого вложил он в сценарий! Сколько изобрел ухищрений и способов, чтобы найти продюсеров в Москве. И до сих пор ни на шаг не приблизился к съемкам.

Его убивала безвыходность. Его раздражали люди, которые, прочитав сценарий, не отзывались о нем хорошо. Приходилось бороться, не обращать внимания, снова искать. Он прекрасно знал, что его история об авиации зрителя удивит. Фильм принесет настоящий успех! Кирилл готов был двигаться к цели, как танк, не обращая внимания на неудачи, рад был вставать с ног на уши, и не раз, лишь бы добиться съемок. Он жил и бредил своим фильмом!

Тридцать пять лет – это уже тот возраст, когда к тебе либо приходит успех, о котором ты грезил всю жизнь, либо надо расставаться с мечтами. Последнего известный актер Кирилл Николаев позволить себе не мог.

Звонок мобильного телефона взрезал могильную тишину квартиры. Кирилл протянул руку к светящемуся аппарату, ерзавшему по закрытому ноутбуку, взглянул на дисплей. Сердце заколотилось бешено, словно дизель. Николаев сжал в руке вибрирующий телефон и пересел на диван.

– Добрый вечер, Валентин Семенович, – произнес он с придыханием.

– Привет, Кирилл! – Голос прозвучал весело и повис, не утруждая себя продолжением разговора.

– Как ваши дела? – растерянно поинтересовался Николаев. Третий раз в жизни он общался с этим человеком и третий раз понятия не имел, как себя вести.

– Неплохо, – голос улыбнулся и снова пропал.

– На майские праздники, – чувствуя себя полным идиотом, Кирилл пытался поддержать разговор, – вы в Москве или улетаете?

– Улетаю, – обронил голос. Кирилл явственно ощущал, как собеседник наслаждается его беспомощностью, но терпел. Слишком многое зависело от одного слова этого Ривмана.

– Правильно, – Кирилл интонациями сыграл позитив, – надо пользоваться случаем, с такой напряженной работой, как у вас, наверняка...

– Я прочел сценарий, – перебил Валентин Семенович.

– И... как? – Сердце заколотилось с новой силой. Теперь уже как отбойный молоток.

Валентин Семенович вдумчиво помолчал.

– Скучно.

– Что?! – Кирилл не поверил своим ушам.

– Тема мне нравится. А сценарий – нет. Скучно, – повторил он, и в голосе послышался металл.

– Но там столько событий, увлекательных историй...

– Кирилл, – Валентин Семенович устало вздохнул, – я не критик и не готов разьяснять. Но и тратить несколько миллионов долларов на ваши амбиции не хочу.

– Вы не понимаете, – Кирилл сжал телефон с такой силой, что тот хрустнул, – это то, чего хочет зритель. Развлечений. Пикантных подробностей. Изнанки...

– А я лично не в том возрасте, чтобы интересоваться изнанкой, – отчеканил голос, – мне, как Аристотелю, важен вопрос, как человек должен жить. Задумайтесь, юноша.

Кирилл не успел открыть рот, чтобы ответить, как в ухо ему ледяным каскадом полились короткие гудки. Ярость просочилась в мозг мгновенно, заодно с этими холодными звуками.

Кирилл вскочил с дивана и начал мерить комнату шагами. Разрывающийся от боли мозг работал в усиленном режиме, даже гудел, как перегревшийся системный блок. В голове стучало от злости.

Вот только не надо никого слушать! Сколько людей, столько мнений. Не выведет его из себя ни бляение Кристины, ни оскорбления этого чертового Ривмана. Главное, запастись терпением и искать. Он-то знал, что фильм будет гениальным! Тема интересная, броская. Кирилл столько лет вынашивал идею, прежде чем сесть за письменный стол! Авиация до сих

пор, не в пример криминальным и милицейским историям, не нашла себе места в искусстве. Да, Хейли, да, советский «Экипаж», над которым дружно смеялись в кинотеатрах летчики, ну, еще пара фильмов, не считая тупых американских комедий. Что бы ни вообразила себе дура Кристина, после того как его не взяли в летное училище из-за зрения, зато с удовольствием приняли в ГИТИС, он не собирался никому мстить. Он хотел перенести свои мечты о небе на пленку, показать жизнь авиаторов изнутри, настолько, насколько сам ее понимал.

Не хотят делать фильм в России – не надо! Значит, придется отдать сценарий за рубеж. Ведь Джереми заинтересовался, ответил, когда прочел перевод. Написал, что есть над чем поработать, но в принципе картину можно снять. Почему Кирилл тогда не полетел сразу на встречу с ним в Бангкок? Кажется, съемки были, не мог их прервать. Да и надеялся, наивный, найти продюсеров в России: так фильм получился бы роднее и ближе. А еще не было желания что-то в тексте менять, как Джереми настаивал, делать новый перевод, терять время, силы, которые и так уже на исходе. А сейчас? Сейчас другого выхода нет. Все, к кому он мог обратиться, ему отказали. Послали к чертовой матери. Впереди майские праздники: ни репетиций, ни съемок, ни проб целых десять дней. Теперь еще ни Кристины. Надо лететь!

Судьба не приносит успех на блюде: на успех объявляют охоту. Расставляют капканы и сети на любой мало-мальски реальный шанс. Сейчас этот шанс – Джереми.

Кирилл вскочил с дивана, резко поднял крышку ноутбука, включил его. Зашел в свой почтовый ящик и, перечитав письмо Джереми, убедился, что тот приглашал его приезжать «в любое время». Распечатал адрес в Бангкоке. Просмотрел письма друзей и коллег, хваливших сценарий. Вера в успех окрепла и выросла до прежних размеров. Окончательно убедившись в правильности решения, Кирилл зашел на сайт авиакомпании и начал искать нужный рейс. Конечно, надежда на то, что перед самыми праздниками найдется свободный билет, была ничтожной, но делать-то что-то надо! Нельзя расхолаживаться и сидеть сложа руки.

Рейс 777 на Бангкок был в 23:50. Сочетание трех семерок показалось Кириллу счастливым знаком судьбы. Он взглянул на часы. Если поторопиться, вполне еще можно успеть.

Николаев торопливо ввел свои данные, количество пассажиров – «1 взрослый». Нажал «поиск» и закрыл глаза. Он загадал, что если сможет найти билет на этот волшебный рейс 777, то с этой самой минуты фортуна повернется к нему лицом. Джереми станет продюсером картины, сценарий превратится в фильм, и мировая слава наконец-то накроет его с головой.

Кирилл дал системе даже больше времени, чем нужно: сидел, закрыв глаза, минуты две. Чтобы наверняка. Потом взглянул на экран и в радостном восторге саданул кулаком по столу. Есть билет! Все. Успел!

Поразмыслив, как лучше ехать в аэропорт, Кирилл решил свою машину не брать. Вызвал такси. Потом распечатал маршрут-квитанцию, написал Джереми письмо и, выключив ноутбук, отправился собирать вещи. Настроение подскочило вверх почти до предельной отметки. Судьба подарила ему новый шанс, а он вовремя его разглядел. Предвкушение успеха и славы уже не грело, оно обжигало душу.

Если б не досадное недоразумение в лице – точнее, морде – чертовой Дуси, на которую он чуть не наступил в коридоре и о которой напрочь забыл, Кирилл уже ощущал бы себя парящим на крыльях свободы. Недолго думая, он попытался сбить Дусю с рук, обзвонив с дюжину друзей и знакомых. Но все как один рассказывали, что уже улетели или собираются улететь. Такими темпами Москва на майские праздники грозилась вымереть, и Дуся вместе с ней. Кирилл, отчаявшись, решил позвонить Кристине, даже набрал ее номер, но абонент оказался «временно недоступен». Убедив себя в том, что проблемы надо решать по мере их поступления, то есть в аэропорту, он извлек из гардероба пижонский Louis Vuitton и стал набивать его всем, что попадет под руку.

Такси ожидало внизу уже целых двадцать минут – Кириллу трижды звонили, – а вероятность опоздать на самолет из-за вечерних пробок росла с каждой секундой. Николаев нерв-

ничал. Во-первых, за последние несколько лет он совершенно разучился самостоятельно собираться в дорогу. Готовая сумка всегда ждала его у дверей. Во-вторых, ему все время мерещилось, что он забыл что-то закрыть, выключить, обесточить, проверить. Куда спокойнее было уезжать, когда в доме оставалась женщина. Или даже когда они уезжали вместе, но готовность квартиры к их отсутствию проверяла она. Как же бесил его этот невразумительный быт, на который уходило столько сил и времени! В конце концов, для того чтобы думать обо всей этой чепухе, и существуют телки.

Проклиная все на свете, Кирилл захлопнул крышку чемодана. Уже подкатив его к дверям, он вспомнил про Дусю, терпеливо сидевшую в сумке-переноске, куда он пристроил ее от греха подальше: такую мелкую тварь немудрено второпях и раздавить. Вот еще подарок Кристины! Кирилл снова набрал ее номер: все то же – «абонент временно недоступен», чтоб его! Ну и как он теперь будет выглядеть при своем мужественном и шикарном образе с этим собачьим недоразумением в руках?! Волоча за собой поклажу, он вышел из квартиры и с такой досадой хлопнул массивной дверью, что по всему подъезду разнесся устрашающий гул. Так. Надо успокоиться. Бумажник, паспорт, маршрут-квитанция на месте. Перевод рукописи сценария – распечатанный и на флешке – он точно положил. Чемодан, ноутбук, Дуся. Все. Кирилл достал ключ, постоял, вспоминая, все ли выключил-перекрыл, и запер дверь.

Водитель такси деликатно сделал вид, что розовая сумка-переноска со стразами, из которой выглядывает перепуганная собачья мордашка, и накачанный злой мужик – вещи вполне совместимые. За что Кирилл мысленно сказал человеку «спасибо».

– Как там пробки? – хмуро поинтересовался он, едва захлопнув за собой дверцу машины.

– Шесть баллов, – спокойно ответил таксист.

– За час-полтора доберемся? – Кирилл бросил обеспокоенный взгляд на часы.

– Попробуем, – кивнул тот и резко рванул с места.

Кирилл снова позвонил Кристине. И теперь вел содержательный внутренний диалог с железной дамой, которая в очередной раз невозмутимым тоном сообщала ему о «недоступности абонента».

Глава 2

Ворота перед красивым двухэтажным домом радостно распахнулись, чтобы выпустить сияющий «Лексус» Михаила Вячеславовича. Фадеев мигнул Теме фарами – сказал «спасибо» – и вырулил на дорогу. Подождал, пока сын закроет за ним створки ворот, скрывшие от глаз аккуратный внутренний двор с голубыми елями, и нажал на педаль газа. Все! Пять часов потерпеть – и в рейс!

Фадеев вел машину плавно, без резких движений и суеты, спокойно обходя нерасторопные автомобили. Сейчас он ощущал себя самым счастливым человеком на свете. Успел и с семьей пообщаться, что в последнее время из-за напряженной работы получалось не часто, и в бассейне поплавать, и отдохнуть. Вообще, стоило ему провести дома, с женой и детьми, хотя бы несколько часов, как он начинал чувствовать себя молодым и способным горы свернуть. Проще говоря, отлично себя чувствовал для мужчины пятидесяти лет! Конечно, Михаил Вячеславович спуска себе не давал – спорт, тренажеры, все как положено. Но, думалось ему, секрет его молодости был в Людмиле. Когда жена моложе тебя на четырнадцать лет, это о-го-го какой стимул! И нужно, и хочется соответствовать.

Он бодро вырулил на МКАД и присвистнул. Пробка собралась уже внушительная, хорошо еще из дома выехал с приличным запасом. Водители вокруг нервничали, гудели, то и дело меняли одинаково медленно ползущие полосы. Фадеев усмехнулся, глядя на бессмысленную суету, и удобнее устроился в водительском кресле. Не зря народная мудрость гласит: самолету – крылья, пилоту – разум. Чего попусту изводить себя и шарахаться туда-сюда по дороге, создавая аварийную ситуацию? Занял свой эшелон и ползи спокойно, размышляй о жизни. Быстрее времени все равно никуда не долетишь. А современному человеку с нынешними темпами надо иногда и задуматься. Вот она – прекрасная возможность, знай с толком используй.

Михаил Вячеславович укоризненно покачал головой, пропуская настырно ввинчивающегося перед ним водителя «Мазды». Вот молодежь! Никакого терпения! Но чудесного его настроения парень никоим образом не испортил: надо – пусть едет. Сейчас, в предвкушении долгожданной и приятной командировки в Таиланд, дух Фадеева был невозмутим, как Будда.

В последнее время Михаил Вячеславович, заместитель генерального директора по летной работе одной из крупнейших в России авиакомпаний, сам редко вырывался в рейс. Административные вопросы, кадровые решения, совещания накрепко привязали его к земле. А разросшийся с увеличением парка самолетов личный состав требовал постоянного внимания: обучения, допуски, сертификаты и проверки не прекращались ни на минуту. Зато результатами своего труда он по праву гордился: сколько существует авиакомпания, столько лет безопасных полетов. Слава богу, ни один пассажир ни в одном рейсе не пострадал.

Пару раз в месяц Фадеев обязательно сам садился за штурвал: как-никак, он действующий пилот! Но неба ему, если честно, каждую минуту не хватало. Согласился быть начальством, теперь вот тоска по самолетам покоя не дает.

Страсть к авиации досталась Михаилу Вячеславовичу по наследству. Отец был летчиком-испытателем, с детства в доме только и разговоров, что о самолетах. Прочили достижениям страны в небе грандиозное будущее: Фадеев с этой верой и вырос. «Выучишься на хорошего пилота, – любил повторять отец, – всегда в почете и цене будешь».

Само собой, окончив школу, Михаил сначала в армии отслужил – долг любого мужчины, потом только отправился в летное училище поступать. Учился на «отлично», старался изо всех сил, чтобы гордился отец. А того в это время как-то слишком стремительно прово-

дили на пенсию. Миша тогда не придавал этому большого значения – казалось, всему свое время, надо уступить место молодым.

А скоро он вообще обо всем на свете, кроме самолетов, забыл: увидел в фильме «Экипаж» взлет нового «Ил-86», снятого на испытаниях, – дальше в фильме «тушку» показывали – и влюбился в свое «мимолетное виденье» с первого взгляда да на всю жизнь. Фантастическая это была машина: недюжинная мощь, огромная вместимость! Четыре двигателя, комфортабельный салон. Все мечты молодого Фадеева с той минуты были связаны только с одним – пилотировать такой самолет! Пока Михаил учился, «Ил-86» уверенно заполнял воздушное пространство Советского Союза. Ташкент, Алма-Ата, Норильск, Новый Уренгой, Сочи, Сухуми, Ереван, Екатеринбург, Новосибирск... Фадеев с таким интересом следил за все расширяющейся географией полетов «Ил-86», словно на каждом маршруте видел себя.

Однако училище Михаил закончил, летное удостоверение получил и был по распределению сослан к черту на рога. Аж в самый Мурманск, помогать рыболовецкому промыслу. Каждый день поднимал Фадеев в небо над Баренцевым морем свой крошечный самолет, не переставая мечтать о громадном «восемьдесят шестом», и высматривал внизу стаи рыб. Рыболовецкие суда ждали его знака. Как только Михаил неподвижно зависал в воздухе, все корабли устремлялись к обозначенной точке, к обнаруженному косяку рыб. Не один капитан благодаря молодому пилоту в те годы ударника соцтруда получил, только вот на самого Фадеева с Северного Ледовитого океана дуло такой смертельной тоской, что впору повеситься.

Многие товарищи у него на глазах спивались, работу бросали, а он терпел. У него мечта в жизни была, ради которой себя берег, – «Ил-86». Наконец положенные три года в Мурманске истекли, и Михаил, возмужавший, заматеревший, но все еще по-детски наивный, вернулся в Москву.

– А что, – удивился, встретив сына, отец, – на Севере летчики не нужны?

– Нужны, – честно ответил Михаил, – но я не для того на пилота учился, чтобы всю жизнь на микроскопическом самолете рыбу искать.

– Чего же ты хочешь, сынок?

– Пилотировать лучший самолет всех времен и народов, – он весело подмигнул, – «Ил-86»!

Отец ему ничего не ответил: только удрученно покачал головой и ушел в свою комнату. Поздно ночью, когда старший Фадеев лег спать, мать рассказала, сколько усилий тот предпринял, чтобы найти Михаилу работу в Москве, – и все тщетно. С тех пор как отца на пенсию спровадили, руководство на местах поменялось, а у этих людей уже были свои интересы; свои сыновья-зятья-кумовья. Михаил слушал и ровным счетом ничего не понимал: какие интересы могут быть в авиации, кроме блага Отечества и безопасности граждан? О каких родственных связях идет речь, если пассажиров можно доверять только лучшим пилотам? А он и был таким – это еще в училище отмечали. Да и на Севере как должно себя проявил. Благодарности, грамоты получал; с Доски почета его фотографию последние два года даже и не снимали. А тут на тебе – отец ему работу искал. Стыд, да и только! Как будто он сам не сможет.

Михаил был парнем упорным – не в его правилах было сдаваться легко. Шесть месяцев он пытался устроиться на работу в Москве: летчики с улицы никому и нигде оказались не нужны. А те счастливики, которые по чьим-то протекциям уже летали, держались за штурвал руками-ногами. Да еще и зубами в него впивались для верности. Полгода спустя Фадеев понял, что в столице ему ничего не светит. Но пути назад уже не было: назвался пилотом, стремись к налетам! Прочесав вдоль и поперек все московские аэропорты, Михаил положил в «дипломат» две бутылки водки – плату за проезд, летное удостоверение, с которым никогда не расставался, и в полном обмундировании летчика отправился в путь.

Сколько городов он тогда облетал в поисках работы – вспомнить страшно! Подждал экипаж приглянувшегося рейса у служебной проходной, совал командиру под нос удостоверение, рассказывал о себе. Его брали в кабину. Кто за водку, кто так – из мужской солидарности. Это сейчас в аэропортах, слава богу, мыш не проскочит: проверки, досмотры, пропуска. О том, чтобы кто-то, кроме командира воздушного судна и второго пилота, просочился в кабину, и речи не может быть! А раньше кого только на территорию и в самолет не пускали – подумать страшно.

Михаил Вячеславович улыбнулся, вспомнив, как в один из таких полетов зайцем в кабине наблюдал веселую картину. Подлетели они к какому-то уездному аэропорту – куда именно, сейчас уже и не вспомнить, – заходит командир на посадку и, уже порядочно снизившись, видит, что по взлетной полосе преспокойно себе едет местный, на санях в упряжке оленей. А диспетчер портовый – ни гугу! Командир с матом тянет на себя штурвал, набирает опять высоту и идет на второй круг. К тому времени, как они снизились во второй раз, аборигена успели с взлетно-посадочной полосы согнать. Потом, конечно, извинились от лица руководства. «Простите, – говорят, – ехал человек по своим делам в санях, увидел большую дырку в заборе – решил путь срезать. Да вы не волнуйтесь, к следующему вашему прилету обязательно залатаем. Времени – неделя».

Одним словом, по предперестроечному Советскому Союзу Михаил скитался больше года: ни работы, ни денег. Зато чуть ли не в каждом уголке необъятной родины нашел себе по невесте. Хорошо, ума хватило тогда ни на ком не жениться. Первым делом у пилота, как известно, самолеты. Да и хотел сначала опыта набраться, жизни хлебнуть. Вот и нахлебался.

В каждом аэропорту сценарий был неизменный: Михаил, вызвав за время полета у своих коллег-добродетелей, где что находится, сразу ехал в центр. Там, как правило, дальше порога его не пускали.

- К кому? – вопрошала однотипно воинственная вахтерша на входе.
- К главному.
- Нет его.
- Тогда в отдел кадров.
- Здесь жди.

Вахтерша куда-то звонила, минут через двадцать появлялся мужик – в разных городах авиационные кадровики отличались только степенью усталости и нереализованности в глазах – и начинался самый настоящий допрос.

- Когда училище закончил?
- Четыре года назад.
- Чего летать вздумал?
- С детства мечтал.
- В город наш как забрался – родственники здесь?
- Нет.
- Ну, может, знакомые, – подсказывал он, – кто за тебя поручиться может?
- Никто.
- Слушай, молодой человек, – мужик терял терпение, – у нас тут без тебя безработных летчиков хватает. Летел бы ты в свою Москву.

В голосе почти всегда слышалась обида, по которой Фадеев угадывал, что и сам кадровик из списанных или не востребованных временем пилотов.

Михаил побывал так в каждом городе, в каждой точке на карте Союза, где значился хоть какой-нибудь рабочий аэропорт. Он сидел в кабине и, если попадал на любимый «Ил-86», с завистью наблюдал за работой коллег. Как же в этом самолете все по уму было сделано, как удобно и хорошо!

В кабине Фадеев спал, если перелет выдавался долгий, там же питался чем бог пошлет – в образе очередной сердобольной стюардессы. В общем, конечно, такая жизнь была ему даже по вкусу – он не предал небо, не снял летную форму, верил, что все – и несчетные мили, и «Ил-86» – у него еще впереди.

Каждый аэропорт в стране он теперь знал как свои пять пальцев: где короткая полоса, где дует вечный боковой ветер, где видимость ни к черту из-за низких облаков и надо сажать по приборам. Но день за днем, с каждой новой точкой на карте, которых оставалось все меньше, надежда в нем угасала. Уже и форма была порядком истрепана, и сбились каблук на ботинках, и первая седина появилась в волосах.

Последним пунктом его назначения оказался город Магадан. Все. Край земли – дальше лететь было некуда. Или ему повезет там, или с мечтой о небе придется расстаться раз и навсегда. Но как и зачем тогда дальше жить?!

Экипаж в тот день долго пришлось уговаривать – ни за что не хотели Фадеева брать. И водка в ход уже шла, и лесть, а мужики все не сдавались. «Нам, – говорят, – хватает своих проблем. Ты тут еще на нашу голову».

Если бы не красивая до рези в глазах бортпроводница, которая в тот самый момент пришла на проходную, не видать бы Михаилу Магадана как своих ушей.

– Привет! – мелодичный голос завораживал. – Что тут у вас?

– Вот, заяц пытается пролезть, – проворчал командир.

– Да ладно, ребят, – рассмеялась она, и пилоты оттаяли, – такого симпатичного зайца грех не взять. Берите, я за ним послезу.

– Вот уж нет, Наденька, – востепенулся командир, – если ты просишь, пусть, конечно, летит: не могу я красивой женщине отказать. Но следить за ним будем сами! Идет?

– Как скажешь, капитан! – Глаза и обнаженные в улыбке зубы блеснули, словно бриллианты.

Экипаж прошел на поле и направился к самолету. А Михаил еще долго, идя за ними следом, не мог избавиться от предательской красноты ушей. Вот черт, его, бравого летчика, назвать «симпатичным зайцем»...

Тот рейс Михаил запомнил на всю оставшуюся жизнь. Везли компанию из Совета народных депутатов: то ли на охоту они летели, то ли на рыбалку. Господа-товарищи изволили выкушать все спиртное на борту, потом приступили к личным запасам. Шум в пассажирской кабине стоял невообразимый, дым – хоть вешай топор. Все бы ничего, долетели бы без происшествий – девочки под Надиным руководством неплохо справлялись, правда, едва успевали увертываться от пьяных шлепков и щипков, – но залитым по самые брови слугам народа приспичило, как теперь принято говорить, устроить экстрим. Товарищи-господа дружно расстегнули ремни безопасности, встали с кресел и выстроились в проходе. Невиданная в своем идиотизме игра заключалась в следующем: на счет «три» всем одновременно подпрыгнуть. Кто не сообразил или опоздал, пьет штрафную. И вот по всему самолету разнеслось громогласное «раз-два-три», пьяные пассажиры одновременно подпрыгнули, и самолет покачнулся под тяжестью опустившихся на прежние места человеческих тел. Не успели бортпроводницы толком сообразить, что происходит, как, перекрывая гогот, раздалось новое «раз-два-три». Пилоты в кабине, не слыша выкриков, замерли от ужаса, почувствовав непонятного происхождения сильные толчки. Ни на турбулентность, ни на воздушные ямы они были не похожи, да и трасса оставалась чистой. Могло быть только одно – какая-то неисправность в самом самолете, но приборы молчали как партизаны. На третьем толчке в кабине раздался звонок.

– Командир, разрешите войти.

– Разрешаю.

Дверь кабины открылась, и на пороге появилась бледная Надя.

– Пассажиры вышли из-под контроля. Прыгают в салоне, раскачивают воздушное судно.

– Они там что, идиоты?! – на секунду командир дал волю эмоциям, но тут же взял себя в руки. – Инженер и ты, как там тебя, быстро в салон! Угмоните этих придурков.

Михаил вместе с инженером бросился вслед за Надей. По всему самолету уже снова гремело, перемежаясь с диким хохотом, громогласное «раз-два-три». Дальше получилось совсем не весело: на слова всемогущие депутаты, на личном опыте зная им цену, плевать хотели. До них упорно не доходило, что самолет из-за их дурачества может рухнуть. Покладистых, пригрозив кулаками, растолкали по креслам. А с самыми буйными пришлось и подраться, пока не удалось их скрутить и уложить на пол в проходе. Пьяные мужики неистово сопротивлялись – Фадеева спасала лишь прекрасная физическая форма и юность.

Когда «укротители строптивых» вернулись в кабину, командир, мельком взглянув на них, только присвистнул. Форменный пиджак Михаила оказался изодран, под глазом и на скуле красовались синяки, на лбу обозначилась ссадина. Он не чувствовал физической боли, но душевные муки, вперемежку с отчаянием, казались невыносимыми. Куда он теперь с такой рожей?! Кто станет разговаривать с летчиком, который выглядит как последний бомж? Магадан, в котором он еще даже не успел приземлиться, оказался для него закрыт. Последняя точка на карте стерла сама себя.

– Милицию вызывать будем? – инженер отряхивал пиджак: выглядел он тоже неважно.

– Будем, – буркнул командир, – только что толку? Мы ж не на Западе, где за такое, невзирая на регалии, посадят. Или штраф впают, чтоб расплачивались всю жизнь.

– Все равно надо! – со свинцовой обидой в голосе произнес Михаил.

– Надо так надо, – пожал плечами командир, – но тебе, друг, придется испариться раньше, чем стражи порядка поднимутся в самолет. Я лично не готов объяснить им, откуда ты у нас тут взялся.

Самым приятным в том сумасшедшем рейсе были нежные Надины руки, которые порхали над его лицом, обрабатывая раны. Он сидел, прикрыв глаза, и не чувствовал ничего, кроме близости женщины и манящего запаха ее духов.

– Тебе говорили, что ты очень милый? – одними губами, так, чтобы не слышал больше никто в кабине, спросила она.

В ответ, ошарашенный, он только и смог что мотнуть отрицательно головой.

– Жена есть?

Михаил в изумлении вытаращил глаза. Наденька улыбнулась, бросила на него загадочный взгляд и вышла в салон.

Как только подогнули трап и бортпроводница открыла дверь, Михаил выскользнул из самолета, словно вор. Очутившись после духоты кабины на холоде, да еще в непроглядной тьме, он с неожиданной остротой ощутил отчаяние и одиночество. Жизнь его кончена. Столько лет напряженной учебы, беспрестанных тренировок, перегрузок – и все впустую. Все для того, чтобы оказаться на краю земли без работы, без дома, без веры.

Идти ему было некуда, надеяться не на кого. Все. Крайняя точка – Магадан. Он брел по летному полю, сам не зная куда, потом резко остановился под фонарем, вокруг которого кружились гигантские мошки и комары, поставил на землю свой неизменный пообтершийся «дипломат» и сел. Голова гудела как медный колокол, мысли смешались. Никогда в жизни он не курил – даже в мыслях портить себе здоровье не было, а вот сейчас ему до смерти захотелось сигарету. Да и чего ради теперь-то здоровье беречь? Не видать ему «Ил-86» как своих ушей! Михаил глупо похлопал себя по карману пиджака, в котором лежала последняя купюра: на пролетную бутылку, если вдруг и здесь не повезет, и вдруг нащупал твердый предмет.

Засунул руку, извлек связку ключей с брелком в форме орхидеи. В первую секунду даже испугался – мало ли, вдруг случайно чужие ключи утянул. Потом пошарил в кармане еще – обнаружил сложенную вчетверо записку: «Магадан, улица Ленина, дом 15, квартира б». И все, ни подписи, ни объяснений. Он поднес листок к лицу и уловил едва заметный аромат женских духов. В мозгу, моментально среагировавшем на запах, прозвучало только одно имя «Надя».

Не в силах прийти в себя от изумления, он спрятал неожиданные сокровища в карман брюк. Стянул с плеч форменное тряпье, сдернул галстук и сунул все в «дипломат». Оглядел рубашку под светом фонаря – вроде нормально.

Подхватив свою легкую ношу, он уверенно двинулся к аэропорту. Сердце пело, возбуждение охватило его с головы до ног. Еще минуту назад умиравший от отчаяния и безысходности, он летел словно на крыльях.

Деньги, которые берег на бутылку, превратились в стройную белую розу – не смог равнодушно пройти мимо цветочного ларька. Продавщица бросала на него укоризненные взгляды, пока он выбирал цветок, видно, думала плохое обо всех мужиках сразу – сначала напьются, подерутся, а потом возвращаются домой заглаживать вину. Но ему было все равно.

Он добрался на автобусе до города, без труда нашел нужную улицу, дом. Открыл дверь ее квартиры – чувствовал себя преступником и все боялся, что на шум выглянут соседи, – зашел. Сил хватило только на то, чтобы снять ботинки, найти вазу для розы и ополоснуть в раковине лицо. А потом он прошел в комнату и, не решившись лечь на диван, свернулся калачиком прямо на полу. Тело стало свинцово-тяжелым, глаза закрылись сами собой. Через мгновение он уже спал.

Его разбудил звонок. Михаил на ощупь добрался до двери, открыл.

– Где ты так долго была? – прошептал Фадеев, когда почувствовал на своем лице Надины руки.

– Представляешь, – она серебристо засмеялась, – нас в милиции продержали два часа. Для дачи показаний. А этих пьяниц-депутатов выпустили через десять минут.

– Вот черт, – совершенно равнодушно произнес он: сейчас его волновал только ее голос и невероятно гибкое тело под форменной блузкой.

– Вот так, мальчик мой, – она, сбросив туфли, увлекла его за собой в спальню, – оказывается, не было никакой угрозы безопасности полетов. А мы-то разволновались!

– Неважно, – шептал он прямо ей в губы, – неважно...

На следующий день они очнулись только к вечеру: за окном невероятно красный закат из последних сил боролся со сгущающимися сумерками. Михаил наконец-то смог оглядеться – квартира оказалась небольшой, но прилично обставленной. Было видно, что все здесь – и мебель, и ковры, и люстры – было привезено из-за границы и явно стоило немалых денег.

– У меня папа – большой босс в авиации, – усмехнулась она, перехватив Мишин взгляд.

– Рад за тебя, – ответил он, смущенный ее пронизательностью.

– Хочешь, помогу тебе на работу устроиться?

В горле у Михаила внезапно пересохло, на минуту повисла тяжелая пауза. Он посмотрел на Наденьку с такой искренней благодарностью, что она в первый раз за все время их недолгого знакомства смутилась.

– Ну, так как? – она отвела взгляд от его пронзительно-синих глаз.

– Спасибо, – едва выговорил он.

– Что – спасибо? – улыбнулась она.

– Спасибо, я сам.

– Миша, – Надя перестала улыбаться, взгляд ее стал темным, – сам ты уже пробовал. Видишь, не получается.

– Нет, Наденька, – он перевел дыхание, – я – мужчина и должен решать свои проблемы сам.

– Как хочешь, – она встала с постели, на ее матовой коже золотистыми всполохами таял закат.

– Уже невыносимо хочу, – не выдержал волшебного зрелища он, – иди ко мне!

Еще два дня прошли как во сне, а на третий Надя должна была отправляться в рейс. Она складывала вещи в небольшую синюю сумку, медленно надевала чулки и кружевное белье – Михаил несколько раз порывался вмешаться в ее приготовления, но она резко останавливала его. Потом укладывала темные густые волосы в замысловатую прическу, делала макияж. Михаил смотрел на нее и думал, какая это будет мука каждый раз отпускать ее, позволять уходить из дома в этом чертовом белье под отутюженной синей формой.

– Останешься здесь? – спросила она, когда, сияющая свежестью и неземной красотой, придирчиво разглядывала себя в зеркале.

– Нет, – в горле у него стоял ком, – попробую улететь.

– Понятно, – в карих глазах поселилась египетская тьма.

– Ты обидишься? – Он готов был ползать перед ней на коленях, умолять остаться сейчас с ним, не уходить. Но кто он такой, что может ей предложить?

– Переживу.

Через несколько минут они вместе выходили из ее подъезда...

Москва встретила его серым небом и противным, едва ощутимым, дождем. Впереди ждали месяцы депрессии и безделья, тысячи попыток найти новое место в жизни. Но Небо не позволяло, с невероятной силой притягивало его к себе. И когда он уже был за гранью отчаяния, за пределами здравого смысла, ему позвонили. Предложили пройти отбор на второго пилота «Ил-86». Те же люди, которые гнали его прочь полтора года назад, теперь улыбались и протягивали для пожатия руки. Фадеева приняли. Жизнь его снова обрела смысл, а вера в будущее вернулась. События, страны, маршруты сменяли друг друга, словно в калейдоскопе, и все это можно было назвать только одним словом – счастье.

Фадеев так и не понял, как все произошло – то ли подняли анкеты, которые он, словно сеятель, разбрасывал по всей Москве, то ли отца где-то добрым словом вспомнили, то ли в его судьбу вмешалась Наденька. Последнее, принимая в расчет особенности того времени, скорее всего. Прилетев с рейсом в Магадан, Михаил сломя голову помчался по адресу: улица Ленина, дом 15, квартира 6. Он звонил, стучал, ждал, снова звонил. За дверью ее квартиры затаилась тишина. Зато на шум вышла соседка. «Так она за границу уехала навсегда. Говорят, замуж вышла».

Фадеев брел по Магадану, замороженный до самых костей. Первый раз в жизни он осознал, что полюбил и тут же потерял – вот она, плата за счастье быть пилотом. И он сам сделал такой выбор.

Глава 3

Даша выскочила из ванной под настойчивую трель телефона. С волос ручьями стекала вода, босые ноги оставляли на линолеуме мокрые следы, а полотенце, в которое она наспех завернулась, то и дело сползало. Она с раздражением подумала о том, что у матери талант появляться в самый неподходящий момент. Больше подумать было не на кого – коллеги обычно звонили на мобильный телефон. Ларин тоже.

– Алло! – поскользнувшись на мокром полу, Даша едва не упала и схватилась свободной рукой за дверцу старого шкафа, которая тут же издала протяжный скрип.

– Дашунечка, – кокетливый голос заставил ее поморщиться, – привет, Рыбка!

– Привет, – расстроенная Даша мысленно отчитала мать за ненавистную Рыбку, но вслух ничего сказать не решилась.

– Что там за ужасающий звук? – Даша представила себе, как мамино лицо изображает гримасу «омерзительно», выбрав ее из своего богатого мимического арсенала.

– Дверца шкафа скрипнула, – терпеливо объяснила она.

– Рыбка, – голос стал назидательным, – давно пора выбросить это старье! Молодая женщина не должна окружать себя ветошью.

– Хорошо, – Даша вздохнула устало.

– Что – хорошо, Дашунечка? Ты меня не слушаешь, а потом страдаешь. Вспомни хотя бы своего так называемого мужа. Я же тебе говорила...

Вникать в содержание монолога, который она и без того уже знала наизусть, у Даши желания не было. Она положила трубку рядом с телефоном и, печально глядя в мутное от старости зеркало на дверце шкафа, стала вытирать полотенцем волосы. Мамин голос вдохновенно, словно со сцены, читал мораль; отсутствие какой-либо реакции со стороны дочери нимало его не смущало. Потерю обратной связи госпожа Морозова обнаружила только минут через десять.

– Алло! Алло!!!

– Да, мама, – Даша нехотя подняла трубку и прижала ее к уху.

– Ладно, Рыбка, – в голосе появились ласковые нотки: переключаться мама умела мгновенно, – я не об этом хотела поговорить. Мы с Васей ждем тебя завтра в гости. К семи. Будут только свои.

– Я не могу, – Даша сжалась в комок, уже предвидя бурный протест.

– Что за глупости?! Ты обязана! Откуда такое непочтение к матери?! – Даша по голосу ощущала, что сейчас на лице актрисы воцарилась гримаса «праведный гнев».

– Сегодня ночью я работаю, – робко возразила она, – завтра буду усталая и разбитая.

– Боже ты мой, – голос матери обрел полную сценическую силу, – какая может быть усталость в твоём возрасте?! Без возражений! Ровно к семи!

Вместо прощания в трубке раздались короткие гудки, а Даша так и осталась стоять перед зеркалом – мокрая, жалкая, с прижатой к уху трубкой. До сих пор, в свои двадцать пять, она так и не научилась противостоять воле матери, вокруг которой вертелся весь мир.

Даша безвольно опустила трубку телефона на аппарат, продолжая смотреть в мутное стекло. Зеркало отражало ее бледное лицо, на котором гротескно выделялись только большие карие глаза. Слипшиеся от воды темные волосы, острые плечи, беззащитно-тонкая шея. «Как у воробья коленка», – говорил отец, когда она была еще совсем маленькой. Даша развернула полотенце и печально уставилась на собственную, синюю от холода, худобу. Маленькая грудь в мутном зеркале казалась несуществующей, линия бедер – смятой. Единственным, что не расстраивало ее взгляда, были длинные, тонкие в лодыжках ноги, стройность которых не портило даже искажающее стекло. Все прочие, не удавшиеся создателю

части тела, вызывали у Даши лишь чувство стыда и жалости к себе. Она торопливо замоталась в полотенце и отвернулась от зеркала.

Иногда ей казалось, что природа намеренно на ней отдохнула. Специально создала такое блеклое существо, чтобы подчеркнуть совершенство и значимость своего предыдущего творения, Дашиной матери. Анна Морозова была настоящей красавицей. Незабываемо красивое лицо, которое умело отразить любые нюансы эмоций, богатая фигура, величественная осанка. Когда знаменитая актриса проходила по улице традиционные двести метров от машины до порога театра, все без исключения оборачивались на нее. Мужчины застывали как вкопанные, глядя ей вслед, а женщины завистливо раскрывали рты. А ведь ей уже исполнилось пятьдесят!

В юности Даша думала, что мама будет стесняться такой невзрачной дочери, как она. И ошиблась. Анна охотно выставляла ее напоказ, сажала рядом, когда собирался театральный бомонд, и, кокетливо улыбаясь, знакомила с «важными» людьми. Даже пыталась сделать из нее актрису, пичкая премьерами, книгами и обещаниями устроить в театральный. Только повзрослев, Даша все поняла: матери нужен был фон. Такой блеклый и безыскусный, чтобы сама она сияла на нем, словно редкий бриллиант. Даша должна была послужить невзрачным обрамлением материнского таланта и красоты. Она никогда не говорила матери о том, что все понимает и видит ее уловки насквозь. Она старалась вырваться из-под этого влияния, найти собственную реальность, не имеющую ничего общего с притворством и фиглярством ненавистной ей актерской среды.

Даша вернулась в ванную комнату, включила фен и стала сушить волосы. Настроение, как всегда после мыслей о матери, испортилось безвозвратно. Господи! Как же не хотелось ей идти на эту невозможную вечеринку, где, как всегда, соберутся режиссеры, актеры, продюсеры. Как противно ей было от этих «своих», которые станут перешептываться у нее за спиной, глубокомысленно изрекая: «Природа отдыхает на детях». Нужно было сразу и решительно отказать! А теперь... Даже если она скажет, что смертельно устала, что хочет спать, мать пришлет за ней водителя, и тот будет трезвонить под дверь до тех пор, пока она не выйдет. Анна Морозова привыкла добиваться своего любимыми путями. Господи! Сбежать бы на край света, обрести долгожданную свободу... со вкусом неба!

Даша присела на край серой от времени ванны и закрыла руками лицо. Она и так сделала все, чтобы отдалиться от влияния Анны: выбрала не связанную с театром профессию, не принимала от матери ни помощи, ни денег, не посвящала ее в свои дела. Но та все равно настойчиво вторгалась в ее жизнь; терзала мыслями, мучила воспоминаниями.

Чаще других в Дашиной памяти возникала болезненная сцена расставания родителей – момент, в который ее безмятежное детство закончилось. Ей тогда только исполнилось три года. И сейчас, после неприятного звонка матери, яркая картина вспомнилась снова.

Маленькая Даша сидит на полу единственной комнаты этой самой квартиры и играет с посудой. Настоящих игрушек у нее тогда почти не было, зато разрешалось брать для игр все, что угодно. Отец работает за письменным столом. Вдруг он резко вскакивает и начинает вихрем носиться по комнате.

– Я так не могу сосредоточиться! – кричит он. – У меня сцена похорон, кладбище!

– И? – Мама с усмешкой поднимает красивые брови.

– И! – еще больше распаляется он. – На кладбище дети не гремят крышками от кастрюль! Забери это у нее!

– Представь себе, что это литавры похоронного оркестра, – предлагает мама.

– Убери отсюда ребенка!!! – Он орет так, что Дашенька, испугавшись, начинает плакать. – Я пишу сцену на кладбище, там нет детей!

– А-а-а. Если хочешь, ради твоей сцены, – мама картинно ложится на кровать и складывает руки на груди, – я тоже могу умереть.

– Да ну вас всех к дьяволу!!!

Отец лезет под кровать, достает футляр от пишущей машинки, в него же, поверх предмета своей единственной в жизни любви, кидает какие-то вещи и, не взяв ни зимней одежды, ни денег, уходит. Растворяется в теплой июльской ночи безвозвратно. Мама не говорит ни слова; не встает с кровати и не пытается его остановить. А Даша понимает, что в папином уходе виновата она – маленькая девочка, которая поссорила взрослых.

С этого момента все детство Дашу мучило тяжелое чувство вины перед мамой. Отца они больше не видели: сначала он лет десять подряд не приходил, хотя и мама, и Даша ждали, а потом уже и он стал им не нужен. Забылся. Время от времени Даша читала на афишах его имя. Но и из афиш, так же как из семьи, он вскоре бесследно пропал. А маму с того момента, как их бросил отец, словно подменили. Она больше ни с кем не шутила, не репетировала дома своих ролей и постоянно – каждые пять минут – уходила курить в кухню.

– Мамочка, давай поиграем! – пыталась вытянуть ее из потустороннего мира четырехлетней Даша.

– Дашка, отстань, – выдыхала мать и поворачивалась к стене на своей кровати, – мне с тобой скучно.

– Мама, а что такое Зевс? – спрашивала она в пять.

– Господи, – звучало в ответ, – в кого ты такая глупая?!

– Мамуля, пойдём погуляем, – предлагала первоклассница Даша, – я уроки сделала.

– Не лезь ко мне, – бормотала мать, – не видишь, у меня депрессия.

Как многие дети со временем привыкают к постоянным восторгам родителей и начинают свято верить в то, что они самые красивые и самые умные, так Даша привыкла к постоянному недовольству. Придирки матери не вызывали в ней возмущения – девочка знала, что во всем виновата сама.

В школе учеба пошла не слишком гладко. Дома Даша подолгу просиживала над задачами по математике, а когда решалась подойти за помощью к матери, получала выговор: «Ты уже взрослая, нужно быть дауном, чтобы не справиться со школьной программой».

Постепенно Дарья перестала задавать вопросы. Замкнулась в себе. Привыкла много читать. Мать, заметив это и внезапно задавшись целью сделать из нее актрису – собственный антипод, – стала подсовывать дочери книги о театре. Пьесы, руководства по актерскому мастерству, романы об искусстве. Среди последних оказалась и книга Сомерсета Моэма «Театр». Даша читала с жадностью, оправдав в этом плане ожидания матери. Не учла Анна Морозова одного – что в отношениях главной героини, известной актрисы Джулии, со своим сыном Роджером Даша увидит себя и мать. Диалог, в котором сын уличает мать в постоянном притворстве, в нескончаемой актерской игре за пределами сцены, открыл ей глаза. В ее матери было все, что угодно, кроме искренности. Она вдруг научилась читать Анну, словно раскрытую книгу, различая все нюансы ее наносных настроений, и понимать, что за ними кроется. Больше всего было осознать, что мать использует ее чувство вины, чтобы достигать собственных целей. Мнение и личность дочери ее не волновали.

Годы шли. Анна Морозова была занята собственной карьерой, к ней постепенно вернулась неистовая жажда жизни. Наверстывая упущенное, она налаживала личную жизнь и во второй раз вышла замуж. Новый муж был моложе ее на пять лет. Он влюбился в тогда уже известную актрису так сильно, что бросил семью, в которой остались двое детей. Обстоятельство это Анну ничуть не смущало, зато у Даши вызывало жгучее чувство стыда.

А Василий Иванович метался между бывшей семьей, стараясь деньгами и имуществом загладить свою вину, и обожаемой Анной. Постепенно страсти поутихли, жизнь вошла в новую колею, и жизнерадостный, заботливый Василий Иванович завоевал Дашино сердце. Главное его достоинство в глазах падчерицы состояло в том, что он не имел ни малейшего отношения к искусству. Василий Иванович руководил небольшой грузовой авиакомпанией.

Даша полюбила вечерами сидеть с ним на кухне и разговаривать: она расспрашивала о самолетах, слушала забавные истории из жизни пилотов и авиаторов. Сам Василий Иванович в свое время окончил Московский авиационный институт и разбирался в этой области как бог. Заметив, что Даше интересна «его болтовня», он стал каждый день пересказывать все, что происходит в компании. Однажды – Даша от души смеялась над этой историей – он получил заказ на перевозку страусов. Вся соль, по словам Василия Ивановича, заключалась в том, что длинная шея птицы не выдерживает резких толчков. На взлете или посадке, если страус стоит, шее грозит перелом. Чего только они не придумывали всем руководящим составом – и пластмассовые защитные кольца, и способы фиксировать птиц в лежачем положении. Все равно получались большие потери и, естественно, убытки. А потом вопрос решился элементарно – кто-то догадался выключить в багажном отделении свет, и птицы как миленькие улеглись спать. Так их и возили потом в темноте, спящими. Выполнили контракт, от которого уже собирались отказываться.

Василий Иванович нравился Даше своей честностью и простотой. Веселый, словоохотливый, он вносил радость и гармонию в их с мамой жизнь. Даша прислушивалась к его советам, приходила за помощью по физике, интересовалась, какие книги он любит читать. Благодаря Василию Ивановичу на столе ее появился «Аэропорт» Артура Хейли, и Дарья стала мечтать о небе.

Авиация показалась ей той самой реальностью, в которую хотелось уйти. Там не было неискренности и фарса. Не существовало притворства. Кривляние и надуманность актерства не шли ни в какое сравнение с ответственностью и повседневным героизмом авиационных профессий.

В то время Даша к тому же стала часто летать – Василий Иванович брал их с мамой в командировки, как только появлялась возможность. Выкраивал время и сам сопровождал Аню на гастроли, настояв на том, чтобы взять и Дашу. Организовывал семье отпуска в невероятно далеких экзотических странах. С каждым новым полетом Даша все тверже убеждалась в том, что ее призвание – небо.

Анна отнеслась к общим интересам мужа и дочери снисходительно. Из любви к супругу даже делала вид, что вся эта небесная канитель ее тоже интересует. И хотя Даша чувствовала в ней глубоко запрятанное недовольство, внешне оно никак не проявлялось. Анна была ласкова и добра. А Даша тем временем приняла самое важное решение в своей жизни – стать стюардессой! Твердо намерилась поступать в Санкт-Петербургский авиационно-транспортный колледж, а не в театральное училище.

– Ну, что, девочки, – в один прекрасный вечер за ужином Василий Иванович радостно потер руки, – я нас поздравляю! Ремонт в новом доме закончили – купим мебель, и в августе можно переезжать!

– Васенька, – мама всегда говорила с мужем таким нежным голосом, что Даша Василию Ивановичу завидовала, – я думаю, Рыбке не время уезжать: ей нужно закончить школу.

– Аня! – Василий нахмурил брови. – Ну не оставаться же нам из-за какой-то там школы в твоей крохотной квартире. Тебе надо свободно репетировать, мне нужен рабочий кабинет. А тут – одна комната на всех! Да и в аэропорт каждый день ездить из Москвы – не сахар.

– Ну, – мама посмотрела в потолок, – нам с тобой ничто не мешает и переехать.

– Как?! – Василий Иванович обомлел. – А как же Даша? Нет, такой вариант не подходит. Пусть переводится в другую школу!

– Ты не понимаешь, – мама обиженно поджала губы, – у Дашунечки последний класс. Ей придется тратить силы и время на привыкание к новому коллективу. А сейчас только об экзаменах надо думать!

– Мама, – Дарья, ошарашенная новостью, едва дождалась паузы в их разговоре, – Василий Иванович прав: это же не край света. Я могу из Подмосковья ездить в свою школу. Подумаешь, буду вставать на полтора часа раньше.

– Нет! – Мама сверкнула глазами и отшвырнула салфетку. – Ты останешься здесь! Тебе нужно время на учебу – нечего попусту тратить его в дороге!

Даша притихла. Слезы навернулись сами собой.

Василий Иванович растерянно хлопал глазами, глядя то на Аню, то на Дашу, не в силах ничего понять.

Дарья молча встала и вышла из-за стола – за долю секунды предыдущие несколько лет счастливой жизни рассыпались в прах. Она поняла вдруг, что хорошее отношение матери было не более чем все той же актерской игрой, элементарным желанием угодить любимому мужу. В их семье Дарья, несмотря на все старания Василия Ивановича, оказалась лишней. Чужой.

Мать с отчимом переехали в начале сентября. Даша осталась. Старая хрущевская квартира, в которой она жила теперь совсем одна, казалась ей склепом. Учеба не клеилась – все мысли Даши были только о том, что за семнадцать лет, как она ни старалась, добиться любви своей матери она не смогла. Даже мечты об авиации, в которых ей последние годы было так уютно и хорошо, не приносили прежней радости – зачитанная до дыр книга Хейли была безжалостно заброшена на шкаф, где и пылилась теперь с полным сознанием собственной бесполезности.

После уроков Дарья подолгу бродила по центру Москвы, только ради того, чтобы не возвращаться домой. А придя поздно вечером, сразу ложилась спать, даже не думая о домашних заданиях.

– Дашка? – шепот соседки по парте заставил ее оторваться от тяжелых мыслей.

– Что?

– Слушай, я тебя хотела спросить... – Алла в нерешительности умолкла.

– Спрашивай, – Даша пожала плечами.

– У меня тут день рождения в пятницу, все такое. Хочу пригласить друзей.

– Если ты про меня, – Даша обрадовалась возможности не быть одной, – то спасибо!

Приду.

– Ну, про тебя, конечно, тоже, – Аллочка слегка покраснела, – но у меня еще вопрос с местом не решен. Дома родители, все такое...

– А у меня, – Даша не задумалась даже на секунду, – родителей нет. Хочешь – давай ко мне.

– Дашка!!! – Алла от счастья запрыгала на стуле и захлопала в ладоши.

– Малышева, – одернула ее учительница, – откуда столько радости?! А ну-ка, давай к доске.

В пятницу, не переставая ругать дуру физичку за несправедливую двойку, да еще в журнал, Алла нарезала на Дашиной кухне салаты. Гости должны были подтянуться к пяти, и времени оставалось катастрофически мало.

– Алл, – крикнула Даша из комнаты, где пыталась накрыть на стол, – а сколько у тебя человек будет?

– Ну, – та на секунду замялась, – где-то пятнадцать...

– Да-а?! – изумленная Даша появилась в проеме двери. – Тогда придется стулья у соседей занимать. Где же мы все уместимся?

– Не надо стулья! – Алла отмахнулась. – Для начала как-нибудь втиснемся, выпьем, все такое. А потом уже будет все равно.

К Дашиному удивлению, «все равно» стало чересчур быстро. Гости набежали за полчаса – и все с бутылками вместо подарков, как приказала хозяйка торжества. В результате

на столе выстроилась внушительная баратея спиртного. Первую рюмку – стакан, чашку, кружку, кому что досталось – выпили шумно и стоя. Вторую тоже. А потом народ начал разбредаться: кто в кухню, кто в коридор, кто на лестничную площадку.

– Алл, а это кто? – Даша с изумлением обнаружила длинноволосого юношу с сигарой в зубах на собственном письменном столе.

– Этот? – Алла бесцеремонно ткнула в молодого человека пальцем. – Джон, поэт. А еще – бабник и разгильдяй.

– Что, настоящий? – Даша искренне удивилась. С тех пор как единственно известный ей представитель писательской профессии бесследно исчез из ее жизни, с живыми литераторами она не встречалась.

– Еще какой! Бросается на все, что движется!

– Да я не про то, – Даша покраснела, – он что, действительно пишет?

– Не знаю, – Алла подняла свой бокал, – я стихов не читаю. Но в Литинституте вроде бы учился.

Гости пили много и слаженно, заняв все свободные плоскости, на которых могла разместиться хотя бы одна пятая точка. Когда Даша в полупьяном приступе исследовательского любопытства попыталась всех пересчитать, у нее получилось тридцать человек. Пересчитав раз пять, она успокоила себя тем, что от выпитого у нее, наверное, просто двоится в глазах. И послушно потащила за Алкой в кухню – курить первую в своей жизни сигарету.

Потом были танцы, если так можно назвать скованное шевеление рук, ног и бедер в невероятной тесноте, когда каждое движение непременно соединяется в единое па с движением соседа или соседки. Потом песни в подъезде под гитару, до тех пор, пока из квартиры напротив не вышел мужик, почему-то с кувалдой. Только благодаря появлению кувалды гости догадались, что, наверное, уже слишком поздно – часть засобиралась домой, часть отползла обратно в квартиру. После этого Даша ровным счетом ничего не помнила: последним относительно достоверным ощущением было то, что она все-таки не забыла запереть на ночь дверь.

Следующий день начался с разрывающей мозг головной боли, сквозь которую она слышала непрерывный шум льющейся воды. Даша хотела пойти проверить, что там течет, но едва нашла в себе силы, чтобы подняться с кровати. Держась за стену, она стала пробираться в ванную комнату. Встала под душ, вымыла волосы, почистила зубы. Голова продолжала гудеть. Только выйдя из ванной в халате, она вспомнила, что ей слышался в кухне шум воды. С трудом, преодолевая желание упасть на кровать и снова уснуть, Даша поплелась в кухню: не хватало только сломанного крана и залитых по самые потолки соседей.

Она открыла хлипкую кухонную дверь и замерла: спиной к ней у раковины стоял вчерашний длинноволосый тип в истертых джинсах и мыл посуду.

– А, – обернулся на скрип двери поэт, – хозяйка проснулась.

Он тут же выключил кран и вытер руки кухонным полотенцем. Подошел к Даше и, к невероятному ее смущению, ласково взял под локоть. Усадил за стол.

– Лечиться будем? – сочувственно спросил он.

– Нет, – Даша не поняла вопроса, но на всякий случай отказалась.

– Да ладно тебе, – поэт подошел к холодильнику и открыл дверцу, – сейчас обязательно надо.

Он извлек из недр пижонского белого исполина – Василий Иванович купил, когда переехал к ним с мамой, – запотевшую бутылку пива. Поставил перед Дашей на стол. Сходил за стаканом и сел напротив.

– Вот что, – он открыл крышку и, наполнив стакан, подождал, пока пена осядет, снова долил, – ты это пьешь, голова у тебя проходит, и потом делай что хочешь. А я домою посуду и пойду в общагу.

– По-моему, – Даша с опаской посмотрела на стакан: после вчерашнего мысль о спиртном не вызывала у нее ничего, кроме омерзения, – это алкоголизм.

– Сейчас ни о чем не думай, – Джон поднял стакан и поднес к ее губам, – потом пофилософствуешь.

Морщась, она выпила: Джон держал перед ней стакан до тех пор, пока тот не опустел до последней капли. Вопреки ожиданиям никакого облегчения эти манипуляции не принесли – только вернулся противный горький привкус во рту, уже было исчезнувший после зубной пасты.

– Ну, как? – с интересом спросил он.

– Не знаю, – Даша пожала плечами, – кажется, лучше.

– Вот и прекрасно! – Он выбросил пустую бутылку и вернулся на свой пост у раковины. – Иди теперь, дальше спи. Я скоро уйду.

Даша смущенно поправила на неприметной груди халат и вышла из кухни. Джон на нее даже не обернулся.

Она прошла в комнату, сняла с постели покрывало и легла. Ей действительно хотелось уснуть, но не получалось. Она все думала, что будет делать этот Джон: действительно просто уйдет, хлопнув за собой дверь, или придет к ней? И что будет делать она, если он вдруг появится в комнате? Даша лежала на животе, открыв глаза, и настороженно прислушивалась к звукам в кухне. Вода уже перестала течь, теперь мелодично позвякивала посуда – видимо, гость расставлял ее по местам, стараясь особенно не шуметь. Потом скрипнула кухонная дверь – Даша замерла, ожидая, куда он пойдет: в ее комнату или к выходу из квартиры.

Она так разнервничалась, кровь с такой силой стучала в висках, что в какой-то момент слух отказал. А потом не услышала – почувствовала, что Джон зашел к ней. Даша моментально закрыла глаза и постаралась дышать ровнее, притворяясь, что спит. Поэт подошел к кровати, осторожно присел на самый краешек – она замерла от ужаса – и стал едва ощутимо целовать ее в обнаженную воробьиную шею.

В общагу он уже не вернулся, а через полгода они поженились. Анна Морозова рвала и метала, познакомившись с зятем, но Даша была этому только рада. Даже прописала мужа в квартире матери назло. Новоявленный супруг – по паспорту Иван Баранов, а для братьев по перу Джон – быстро освоился в Дашиной жизни. Пристроил ее зарабатывать деньги в агентство переводов, благо английский язык она знала в совершенстве, а поступать в авиационный колледж в связи с замужеством передумала, и всецело отдался творчеству.

Даже сейчас, спустя много лет, Даша не могла сказать, любила ли она мужа. Ее привлекала в нем неординарность, способность творить. Он спас ее от одиночества. В конце концов, Джон был первым мужчиной в ее жизни. И за это она, брошенная всеми, была ему благодарна. До того момента, пока он не начал с неистовым упорством ломать Дашину жизнь.

Иван Баранов уже закончил Литинститут, а ни одно из его стихотворений так и не вышло в печати. Об издании сборника речи тоже не шло: пороги всех мыслимых и немыслимых издательств были обиты еще во время учебы. Целыми днями Джон лежал на кровати, глядя в потолок, не пытаясь даже искать работу – никем, кроме поэта, он себя в жизни не видел, – и пил. Поначалу Даша его жалела. Делала все, чтобы он ожил. Сама бегала по газетам и издательствам с его стихами, зарабатывала деньги, занималась хозяйством. А пока она крутилась как белка в колесе и выматывалась к вечеру до помутнения разума, Джон медленно спивался от безделья и мазохистской тоски. Не прошло и года, как из дома начали пропадать вещи, а на худеньком Дашином теле то и дело появлялись обидные синяки. Она терпела, думала, что как-нибудь все исправится, пройдет Ванина депрессия. Но с каждым днем становилось лишь хуже. Даша уже боялась жить с ним в одной квартире.

Собрав волю в кулак, она приняла единственно верное решение: развестись. В тот момент Дарья еще не знала, что именно ее судьба обяжет выплачивать мужу компенсацию за творческие неудачи.

Глава 4

Дарья подала на развод. Детей у них с Иваном не было, совместно нажитого имущества, кроме батареи пустых бутылок из-под водки, тоже. Так что вся процедура, даже несмотря на отказ Джона развестись, должна была пройти безболезненно. Пусть вызовут в суд второй, третий раз, пусть дадут несколько месяцев на размышление: обо всех этих механизмах государственного регулирования института никчемных браков Даша уже знала. На ее решении развестись с человеком, который тонет сам и тянет ее на дно, это не скажется. Рано или поздно их все равно разведут, а Даша заранее запаслась терпением.

Только вот дело приняло неожиданный оборот. На заседании суда вдруг выяснилось, что квартира, которую оставила Даше мать, является совместно нажитым имуществом Морозовой и Баранова. Приватизирована она была уже в браке. Благородный супруг моментально согласился дать жене развод по законам государства российского, с разделом имущества пятьдесят на пятьдесят. И Даша, умолив судью отложить решение на месяц и обливаясь холодным потом, помчалась в агентство недвижимости.

– А чего тут делить?! – презрительно фыркнула на нее дородная риелторша. – В лучшем случае две комнаты в разных коммуналках неподалеку от МКАД. Заявку оставлять будешь?

– Не-е-ет, – слезы помимо воли потекли из Дашиных глаз.

– Вот что, девушка, – смягчилась вдруг риелторша, – давай так. Мы твою квартирку оценим как независимые эксперты. Цена будет зависеть от размеров твоей благодарности – конечно, в разумных пределах.

– Как это? – испугалась Даша.

– Законно, – отрубилась риелторша, – а ты выплатишь своему благоверному половину деньгами. Все лучше, чем квартиру терять.

– Но у меня, – попятилась Даша, – у меня денег нет...

– Жаль, – риелторша повернулась к своему монитору, – на нет, как известно, и суда нет.

Но суд был – до него оставалось всего тридцать дней. Как Даша мучилась тогда, как ругала себя за глупость, а законодательство за преступную несправедливость! Она не могла ни есть, ни спать – все мысли каждую секунду были нацелены на решение только одной проблемы: как сохранить квартиру. В итоге она и сама поняла, что другого выхода нет: нужно отдать Джону деньги. Пришлось втайне от матери упрашивать Василия Ивановича помочь с оформлением кредита, который она понятия не имела, как погашать. Да и если бы не связи отчима, не его поручительство, вряд ли бы кто-то в банке вообще стал с ней разговаривать! Сумма была настолько невообразимой, что Даша каждый раз холодела от пяток до макушки, когда думала о ней.

Ивана Баранова и Дарью Морозову развели. Первый неплохо заработал на четырех годах почившего брака, вторая подвизалась выплачивать неподъемный кредит следующие двадцать лет.

Даша захлопнула за Иваном дверь и приказала себе забыть о прошлом. Хватит ошибок и разочарований! Нужно жить только для себя, нужно зарабатывать деньги.

От мужчин, проявлявших к ней интерес, Дарья теперь шарахалась как черт от ладана. С нее на жизненной трассе вполне достаточно одного любовного происшествия, за которое пришлось так дорого заплатить.

Два года она пахала как лошадь и выплачивала кредит. Спала всего по пять часов в сутки: оставшиеся девятнадцать ей были нужны, чтобы сидеть за компьютером и делать осточертевшие технические переводы. Даша так безнадежно устала, что всем ее существом владело лишь отупение.

Наверное, она так и осталась бы несчастной полуживой переводчицей, забыв о своей мечте стать стюардессой, если б не случай. В один из редких часов отдыха она, не в силах преодолеть усталость, сидела перед телевизором и сквозь полусон смотрела на экран. Фильм, содержания которого Даша не улавливала, сменился рекламой. Шампуни, машины, подгузники, сок. И вдруг она увидела самолет. Рекламировали первый класс обслуживания пассажиров. Даша застыла перед экраном, как замороженная: перед ней одна за другой раскрывались двери роскошного дворца, украшенного золотом, дорогими тканями, лепниной; заполненного дамами и кавалерами в богатых одеждах. А за последней дверью этого великолепия показался шикарный салон самолета. Таких кресел, такого интерьера Даша не видела никогда в своей жизни, хотя летала раньше с мамой и Василием Ивановичем бизнес-классом. Фарфоровая посуда, хрустальные бокалы, переливающиеся всполохами света. Красивые девушки-стюардессы в элегантных платьях улыбались, словно приглашая присоединиться к ним по ту сторону экрана.

Телевизор уже мельтешил перед глазами совершенно другими образами, смысл которых до Дарьи не доходил, а перед внутренним взором все еще стоял салон первого класса. Это было величественно, торжественно. Это завораживало и манило. С той самой минуты Даша ни о чем другом думать не могла – давняя мечта стать стюардессой оформилась в конкретное и непреодолимое желание: работать бортпроводницей первого класса. Даша понимала, что вряд ли можно попасть на подобную должность «с улицы», что вряд ли ее возьмут без опыта работы и протекций. Но она готова была потратить все время и силы, чтобы дойти до цели. Готова была на любую работу – пусть даже мыть полы или чистить ботинки пассажирам, – лишь бы со временем добиться желаемого.

Два месяца она собиралась с духом: перечитывала в Интернете все, что смогла найти об авиакомпании, рекламировавшей первый класс. Просматривала официальные и случайные отзывы. И самой хорошей новостью стало то, что, несмотря на финансовый кризис, в этой самой компании продолжали набор персонала. Вот он – шанс! Стоило Даше представить себя в форменном платье с золотым шитьем в шикарном салоне самолета, как она начинала улыбаться от счастья. Впервые за долгие годы.

Наконец, набравшись смелости, Даша дрожащими пальцами начала печатать резюме. Прикрепила к почтовому сообщению файл со своей фотографией и, невероятно волнуясь, нажала «отправить». Письмо ушло на электронный адрес кадровой службы, который Даша отыскала на сайте авиакомпании.

Теперь оставалось ждать. Дарья не находила себе места от волнения. Даже ставшая за последние годы привычной работа технического переводчика начала вдруг даваться с трудом – она никак не могла сосредоточиться и все время путала значение слов, в результате чего получалась страшная абракадабра. Приходилось заново все вычитывать и исправлять.

Две недели прошли, как два года – каждую минуту Даша проверяла свой почтовый ящик, каждую секунду ждала звонка. И ей позвонили, предложили пройти собеседование.

Даша в тот день с самого утра чувствовала себя неважно – дрожала от страха и по сто раз повторяла про себя ответы на возможные вопросы. Все закончилось тем, что она чуть не опоздала на собеседование: никак не могла решить, что надеть, хотя и выбирать-то было не из чего. Весь ее гардероб состоял из двух дешевеньких, с рынка, костюмов, в которых она ходила в свое агентство сдавать переводы.

Беседовал с ней менеджер по персоналу обстоятельно и неприлично долго: биография, опыт работы, интересы, семья – его интересовало абсолютно все. Даша смущалась, говорила скованно. Иногда невпопад. Мямлила что-то невразумительное в ответ на вопросы о родителях и сама ругала себя за это.

– Дарья, – молодой человек в очках смотрел на нее испытующе, – у вас неплохие результаты тестирования. Вы умны, доброжелательны, у вас подходящая внешность. Но, –

Даша замерла, уже осознав последствия этого рокового «но», – вам явно не хватает опыта общения с людьми.

– И что же мне делать? – растерянно прошептала Дарья.

– Больше общаться, – он улыбнулся, – пока могу предложить вам только должность агента на линии регистрации.

– В аэропорту? – Плечи ее опустились.

– Да. Будете регистрировать пассажиров, помогать им решать вопросы. Думаю, это именно то, что вам сейчас нужно, – он внимательно смотрел Даше в глаза. – Когда каждую смену встречаешь триста-четырееста совершенно разных людей, поневоле перестаешь их бояться. Согласны?

– Наверное, – Дарья ощущала себя так, словно ее окатили ледяной водой.

– Вот и прекрасно, – он поднял трубку телефона, – сейчас позвоню в службу перевозок, предупрежу, что вы подъедете на собеседование. Договорились?

– А как же летать? – Даша понимала, что сейчас не место и не время упорствовать, но ей было сложно совладать с собой.

– Если хотите, запишем вас в кадровый резерв, – молодой человек уже набирал номер, – придете на отбор повторно через год.

Из офиса авиакомпании Даша выходила с ощущением обманутой надежды. Конечно, ее приняли в компанию – это плюс. Да, она сможет работать в аэропорту, общаться с пассажирами, забудет про осточертевшие переводы, но ведь мечтала-то о другом! А теперь вместо путешествий, вместо свободы, символом которой в ее понимании было небо, она будет сидеть как пришитая в аэропорту и смотреть с невыносимой ревностью на уходящие в рейс экипажи.

Даша вздрогнула, услышав трель мобильного телефона, и выскочила из ванной. Господи! Так глубоко задумалась, что обо всем на свете забыла. Наверняка это Ларин. Они же договорились встретиться в аэропорту до начала работы!

– Алло, – голос Даши прозвучал виновато.

– Милая, ты еще не приехала? – удивился в трубке красивый баритон Максима.

– Нет, – пролепетала она.

– А я тебя жду, – укоризненно сообщил он.

– Я, – Даша бросила быстрый взгляд на часы, – буду через час. Прости меня, пожалуйста.

– Прощаю, – Ларин сделал одолжение.

– Так ты дождешься?

– Ты же знаешь, тебя я готов ждать всю жизнь.

– Где? – Даша сделала вид, что не заметила его игривого тона.

– В нашей кофейне, дорогая, – он первым нажал отбой.

Даша открыла гардероб, извлекла заботливо отутюженную синюю форму и стала одеваться. Руки привычно укладывали в прическу длинные густые волосы, рисовали лицо – как учили на занятиях по макияжу, а голова ее тем временем оказалась занята совершенно другим. Она думала о Максиме.

С Максимом Лариным Дарья познакомилась неожиданно, прямо в аэропорту. Случилась их встреча в период самого глухого авиационного затишья – в феврале. Даша, как всегда, сидела за стойкой регистрации и по причине тотального отсутствия пассажиров завистливо разглядывала уходившие в рейсы экипажи. Ларин подошел к ее стойке так незаметно, что она вздрогнула, увидев прямо перед собой мужчину лет сорока. Он не отличался особой привлекательностью – во всяком случае, Даше он не понравился, – но выглядел солидно, выделяясь особым начальственным лоском. Не слишком выразительные черты лица он скрывал под интеллигентными усами и бородкой. Пассажир улыбнулся и протянул Даше паспорт.

– Милая девушка, – его баритон оказался на удивление приятным, – зарегистрируйте меня на Хабаровск.

Даша отрепетированно улыбнулась в ответ и, выдав традиционное «с удовольствием», взяла его паспорт, открыла список на рейс.

В течение нескольких минут она безуспешно искала его фамилию в списках пассажиров всеми известными ей способами, перепробовав, наверное, с десятков вариантов возможной ошибки в транслитерации. Она набирала и «Ларин», и «Лапин», и «Лорин», и «Лырин». Даже «Парин». Результат оставался неизменным – ни одной подобной фамилии пассажира на рейсе в Хабаровск не было. А клиент тем временем не терялся – рассыпался в замысловатых комплиментах, витиевато говорил о том, какая Даша красивая. В ответ на неиссякаемые дифирамбы пассажира Даша вежливо улыбалась и с каждой секундой нервничала все больше. Убедившись в том, что найти клиента в системе невозможно, Даша попросила показать маршрут-квитанцию. На что пассажир резонно заметил, что это не обязательный документ и предъявлять его он в принципе не должен.

– Простите, – Дарья виновато взглянула на Ларина, – мне нужна помощь представителя.

Она подняла трубку телефона, стоявшего на стойке, и начала набирать номер старшего коллеги. Но не успела опомниться, как Ларин перегнулся через стойку и нажал на рычаг – в трубке вместо мелодичных звуков тонального набора послышалась тишина.

– Дашенька, я пошутил, – сказал он с улыбкой, – сегодня не лечу ни в какой Хабаровск. А вы всегда такая доверчивая?

– Нет, – Даша не на шутку разозлилась, – я выполняю свою работу!

– А когда у вас перерыв, милая? – не унимался он.

– У меня не бывает перерывов, – огрызнулась Даша и с силой припечатала к поверхности стойки его паспорт, – отойдите, пожалуйста, в сторону. Вы мешаете пассажирам!

– Хорошо, – он поднял руки, словно сдаваясь, потом взял паспорт и снова наклонился к ней, – но имейте в виду, я буду настойчив!

В тот день Даша так и не согласилась выпить с ним кофе, хотя он подходил к ней в течение вечера еще, наверное, раз двадцать. Оказалось, что Ларин тоже работает в аэропорту, только в другой компании. Занимает должность заместителя генерального директора, о чем он не преминул ей сообщить в первый же день знакомства. И все же и тогда Даша осталась непреклонна.

А потом как-то само собой получилось, что сначала она согласилась на кофе, потом – на обед, потом совместные перерывы на работе вошли у них в привычку. В конце концов, Даша нуждалась в человеке, который был бы старше ее и мудрее, который мог бы направить на путь истинный, подсказать. По выходным – Максим, как все нормальные люди, работал пять дней в неделю – она даже скучала без него. Привычка приятно проводить время в его компании давала о себе знать.

Разумеется, Даша понимала, что ей льстит внимание Ларина. И не только потому, что он занимает недостижимую в ее понимании должность: он оказался умен, легок в общении; у него на все имелась собственная точка зрения, а кроме того, он всегда с интересом слушал и вникал в Дашины проблемы. Готов был помочь советом и делом. Даша несколько раз ловила себя на мысли о том, что хорошо, наверное, было бы иметь такого мудрого, заботливого, да еще и влиятельного любовника. Но Максим Даше не нравился. Не вызывал в ее сердце ровным счетом никаких чувств, кроме дружеского участия, и она старательно держала дистанцию, отменяя все недвусмысленные предложения и намеки. Кроме того, Ларин был женат. А Дарья не умела и не желала нарушить свой внутренний моральный закон.

Что бы ни выдумывали в свое оправдание девушки, влюбляющиеся в женатых мужчин, обман – это подлость. Неважно, что избранник любит произносить с болью в глазах фразу-

откровение: «У меня ничего нет с женой». Неважно, что он разводится со своей половиной уже на протяжении десяти лет. Все это, как правило, ложь. Приманка, чтобы вызвать жалость и завлечь понравившуюся девушку в постель. Ларин, нужно отдать ему должное, обладал весьма богатым арсеналом: Даше приходилось без конца увильгивать от расставленных тут и там капканов. Последнее время она все чаще думала о том, что самое время прервать это странное общение. Но ей было трудно одной, хотелось мудрого совета, доброго слова, и она малодушничала, каждый раз откладывая окончательный разрыв. А Ларин ухаживал за ней, чем дальше, тем неистовей; жадно хватался за каждую встречу. Видимо, чувствовал, какие тяжелые мысли бродят у девушки в голове и как хочет она уйти.

Даша посмотрела на себя в зеркало и улыбнулась. Все-таки форменная одежда меняет человека: появляются стать и самоуверенность. Даже привлекательность. Только Дарья не слишком обольщалась на свой счет – просто ей шел синий цвет, да и костюм сидел необычайно хорошо, скрывая все недостатки тощей фигуры. Надев плащ и взяв сумку, Даша вышла в подъезд.

– Здравствуй, Морозова! – Максим встал из-за стола, уставленного чашками и тарелками и, чуть наклонившись, быстро чмокнул Дашу в щеку.

– Здравствуй, – она невольно отстранилась и огляделась вокруг: меньше всего ей хотелось, чтобы их видели вместе.

– Брось, – заметив, как Дарья занервничала, Ларин рассмеялся, – все, кто хотел, нас уже поженили!

– Думаешь? – напряженно спросила она.

– Уверен! Несмотря на высокие информационные технологии в авиации, сплетни, а не рабочая информация, распространяются быстрее всего.

Даша ничего не ответила. Видимо, Максим прав – для сотрудников аэропорта и авиакомпаний, которые часто видели их вдвоем, сомнению не подлежало: эти двое – любовники. Иначе какого черта серьезный мужчина из начальственной элиты станет выгуливать по ресторанам никому не известную девчонку? В отношении сплетен аэропорт, похоже, действительно настолько высокотехнологичен, что работает на опережение. Все здесь как на ладони – не успеешь посмотреть в чью-то сторону, как тебе моментально припишут роман, а некоторое время спустя – его последствия разной степени тяжести. А поскольку люди в авиации никогда не отличались бедной фантазией, вариации на тему могут быть самые захватывающие и невероятные.

Жизнь авиакомпаний – Даша успела убедиться – сама преподносит прекрасный материал для строительства воздушных замков. Сколько браков свершилось, в прямом смысле слова, на небесах! За тот год, что Дарья проработала в авиакомпании, десятки пар, по слухам, переженились в службе бортпроводников, свадеб в одной только службе перевозок сыграли пятнадцать. Это между сотрудниками, а браков с клиентами никто даже и не считал. Нет, все-таки романтика неба со всеми вытекающими последствиями – великая сила.

Только все это не имеет ни малейшего отношения к ней самой: она свою порцию романтики в жизни уже проглотила – до сих пор горько.

– Морозова, – Максим посмотрел наигранно строго, – ты меня обижаешь. Можно сказать, солидный мужчина за тобой ухаживает, при деньгах и при должности! Должна гордиться, что тебя записали в мои любовницы.

– Послушай, – Дарья, не на шутку разозлившись, сверкнула глазами, – я не гоняюсь за сомнительной славой!

– Извини, – Максим, уловив ее настроение, быстро сменил тон.

– Извиняю, – передразнила его манеру она.

– Эх, Морозова-Морозова, – покачал головой Ларин, – когда же ты все-таки оттаешь?

– В следующей жизни, – пробормотала Даша себе под нос.

– А знаешь, – он ничуть не обиделся и, выдержав значительную паузу, наклонился к ней, – давай ускорим процесс!

– Ты о чем? – Даша отстранилась.

– Все просто, – Ларин говорил быстро и горячо, – ты же мечтаешь летать, жить интересной и независимой жизнью. Я все понимаю, Дашка, ты умная и красивая женщина. Нужно делать карьеру, а не сидеть сложа руки. Переходи в нашу авиакомпанию. В отличие от твоего нынешнего начальства, я вижу в тебе прекрасную бортпроводницу!

– Боюсь, – Дарья отвела взгляд от сверкнувших вожеланием глаз Максима, – не только ее.

– И что тут плохого?! – Максим накрыл своей ладонью ее руку. – Я же влюблен в тебя!

– Н-нет, – Даша запнулась на слове и освободила ладонь, – не надо!

– Надо, милая, надо! Прекрати гробить свою жизнь. Хочешь летать? Будешь! Хочешь любить? Я давно готов!

– Я ни слова не говорила тебе о любви, – она в раздражении поднялась из-за стола и направилась к выходу из кофейни.

Максим быстро достал бумажник, бросил на столик купюру, прижал ее фарфоровым чайником и кинулся вслед за Дашей.

– Куда ты? – он догнал ее уже у самого эскалатора.

– Все, хватит, – не оборачиваясь, бросила она, – я больше так не могу!

– Даша, – Максим обогнал ее на ступенях эскалатора и повернулся лицом, – хватит дурить! Я хочу тебя до потери разума!

– У тебя есть жена! – сказала она так громко, что на них обернулись.

– Господи, – Ларин закатил глаза, – жена – это жена, ты – это ты! Не понимаю, где и как вы вообще пересекаетесь!

– Пока нигде и никак, – Даша перешла на шепот, – но ты настойчиво добиваешься того, чтобы мы пересеклись в твоей постели. Думаешь, это нормально?

– Я об этом вообще не думаю! – Ларин схватил ее за плечи и встряхнул. – И тебе не советую! Даша, жизнь-то проходит! Ты занимаешься не тем делом, которое любишь, не разрешаешь себе ответить взаимностью мужчине, которого любишь!

– Я не говорила тебе, – она попыталась вырваться, – никогда не говорила, что люблю!

– И не надо! – он прижал ее сильнее. – Я знаю все сам! Ты позволь себе расслабиться, разреши собственному телу ощутить меня. Избавься от надуманных барьеров.

Максим едва успел развернуться перед самым концом эскалатора, чтобы не оступиться. Он насильно увел Дашу в сторону от потока пассажиров и с силой прижал к себе.

– Дашка, – шептал он ей на ухо, – милая моя! Прекрати себя мучить. Дай мне сделать тебя счастливой!

Аэропорт вокруг гудел, с каждой минутой заполняясь все новыми и новыми людьми. Пассажиры суетились, переживали. Только самые опытные из них сохраняли спокойствие и, проходя мимо, с улыбкой поглядывали на странную пару, – он солидный, наполовину седой, в шикарном костюме и она, темноволосая, хрупкая, в форме авиакомпании.

– М-мне, – Даша выворачивалась, словно уж, из его объятий, – мне на работу пора! Отпусти!

– Ты мне не ответила, – он жадно впился в ее тело руками.

– Я, – она отрывисто выдохнула, – я подумаю и тебе позвоню!

– Ми-илая, – Ларин прикрыл глаза, – обещаешь?

– Да!!! – Даша наконец вырвалась и теперь отряхивала смятый пиджак.

– Буду ждать, – пропел Ларин своим чудесным баритоном, – но учти, мое терпение уже на исходе!

Даша быстро кивнула в ответ и, криво улыбнувшись, заторопилась к стойкам регистрации своей авиакомпании. Настроение ее было непоправимо испорчено. Худшее начало рабочей смены было трудно придумать!

Глава 5

Пасмурное небо за окном не позволяло определить точное время суток. Утро или пока еще вечер – господь его знает! Георгий нехотя высвободил руку из-под одеяла и потянулся к часам. На привычном месте – прикроватной тумбочке – их не было. Тумбочки, впрочем, не было тоже.

Он осторожно огляделся вокруг, стараясь не спугнуть легкую женскую руку на своей груди. Обстановка была неузнаваемой: какие-то пестрые обои, туалетный столик, огромный шкаф с зеркальными дверцами напротив кровати. Георгий перевел взгляд на обладательницу руки. Та стыдливо прятала лицо в простынях, что мешало идентификации ее симпатичной, по крайней мере Жора изо всех сил на это надеялся, личности.

– Солнышко, ты проснулась? – начал он издали, досадуя на короткую память: имени девушки она не вместила.

– А что? – сонно поинтересовалась стройная – хорошо, хоть это он успел разглядеть – брюнетка.

– Я соскучился, – убедительно сообщил Георгий.

– Да-а-а?

Девушка наконец подняла голову от подушки и посмотрела в его чуть помятое вчерашними излишествами лицо. Жора вздохнул с неописуемым облегчением: девочка была очень даже ничего. Черты чуть крупноватые, но ему такие и нравились. Пухлые губы, большие глаза: все путем.

– Конечно, – он с энтузиазмом привлек ее к своей накачанной груди, – а как же ты думала?

Во второй раз про свои наручные часы он вспомнил не скоро: только после того как Солнышко, отправившись принимать душ, на них наступила.

Время, к ужасу Георгия, давно перевалило за полдень. Он подскочил как ужаленный и, ругая себя «грязным животным», стал торопливо одеваться. Георгий Жук понимал, что сейчас самое время спасаться бегством. Благо в двери оказался замок, который можно захлопнуть. С Солнышком он решил не прощаться: тот факт, что ему так и не удалось вспомнить ее имени, очень его огорчал. А он был из той породы мужчин, которые стремятся приносить девушкам только радость и удовольствие. Никаких негативных эмоций! Поэтому искусством пропадать из их жизни, не успев наследить, он овладел вполне.

Высочив из подъезда, Георгий огляделся – узнавания местности не произошло – и начал восстанавливать в голове хронику вчерашних событий. То, что они в мужской компании собирались в клуб отмечать прощание Вадика с холостой жизнью, он помнил точно. И то, что в клуб он приехал на своей машине, тоже отпечаталось в памяти. Остальное, за исключением первых пяти текил, таяло, словно в тумане. Жора испуганно поискал взглядом автомобиль – неужели додумался в таком состоянии сесть за руль?! – и, не обнаружив железного коня, вздохнул с облегчением. Нет. Значит, оставил у клуба.

Теперь надо ехать забирать машину. Потом быстро-быстро домой, по дороге придумать достоверную историю для Кати, помыться, побриться – и на работу. Все. План готов. Только господь его знает, где здесь метро.

Георгий брел наугад вдоль дома, нетерпеливо выискивая взглядом прохожих. Первая встречная бабушка на вопрос о метро отреагировала неадекватно: вытаращила глаза, перекрестилась и ускорила в противоположном направлении. Молодая мама с коляской оказалась гораздо гуманней: с улыбкой объяснила Георгию, что в Подольске метро пока еще не построили. Да вроде бы и не обещают.

– Где?! – изумился он.

– В Подольске, – терпеливо повторила она и еще шире заулыбалась, – это город, в котором вы сейчас находитесь.

– А Москва, – во рту у него от ужаса пересохло, – далеко?

– Да нет, – рассмеялась понятливая мамочка, – совсем близко. Хотите, я вам дорогу к автовокзалу покажу?

Георгий хотел. Вернее, ему не оставили другого выбора.

Только добравшись до собственной машины, Жора наконец расслабился и со свойственным ему чувством юмора оценил ситуацию. Да-а-а, будет на старости лет что вспомнить!

Он сел за руль и приготовился к привычной зарядке для мозга – нужно было сочинить для Кати версию своего ночного отсутствия. В голове начал складываться немудреный пазл. Сначала он, как и предупреждал, поехал с ребятами на мальчишник, но не успел даже рюмку выпить, как позвонила начальница и вызвала на работу. В аэропорту случился очередной предпраздничный аврал. Пришлось сломя голову нестись на зов: руководству-то не откажешь. На Катини звонки он не отвечал потому, что забыл в машине телефон. А на рабочий она ему позвонить не догадалась. Нет? Или да? Прежде чем затрагивать такую скользкую тему, надо бы коллег расспросить. Ладно, будет сделано.

Допустим, в аэропорт она не звонила. Но сам-то он должен был предупредить о том, что его вызвали на подработку в ночную смену! Должен был, конечно, но вот не смог! Замотался. Виноват. Покается, попросит прощения за все то зло, что ей причинил. Станет описывать, как носился по аэропорту и не было ни одной свободной минуты. А после полуночи, когда страсти поутихли, уже не хотел звонить, потому что боялся ее разбудить. Так он же не знал, что она все равно не спит! Виноват? Конечно! Исправится!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.